

Сергей
Прокопьев

16+

**ПАРАДНАЯ
НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ**

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОКОПЬЕВ

Парадная на улице Гоголя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48482832

SelfPub; 2020

Аннотация

Может ли дом быть героем повествования? А почему бы нет. Само собой, с обитателями – душой жилища. Давно замечено, дому стоять бы да стоять, да покинули его жильцы, и куда девалась былая крепость стен: стремительно начинает дом ветшать и стариться – душа ушла. Герои повести – жильцы многоквартирного дома, точнее одного подъезда, который они называют парадной. Повесть написана в весёлых тонах с любовью к её персонажам.

Сергей Прокопьев
ПАРАДНАЯ НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ
Повесть

*Надо любить всех, но если это не под силу,
хотя бы надо желать всем добра.*

Преподобный Гавриил (Ургебадзе)

Два слова в качестве предисловия

Жизнь меняется на глазах. Каких-то лет пять назад хороший знакомый при встрече на улице подаст руку, пожелает здоровья, скажет добрые слова. Ты с радостью ответишь тем же. Сегодня тот же знакомый из уважения к тебе освободит ухо от наушника, дабы услышать твоё «здравствуй». Если степень уважения сравнима с той, которая раньше подвигала его снимать в поклоне шляпу или другой головной убор, сегодня он вытащит из ушей оба наушника. Дескать, для вас готов на всё.

Стремительно меняется жизнь, изменяются люди, обновляют лики города, меняются дома.

Может ли дом быть героем повествования? А почему бы нет. Само собой, с обитателями – душой жилища. Давно замечено, дому стоять бы да стоять, да покинули его жильцы, и куда девалась былая крепость стен: стремительно начинает дом ветшать и стариться – душа ушла.

Герой нашего повествования полвека стоит под порывами ветров, потоками дождей, завихрениями снега и ласковыми лучами солнца. Высоко над ним проходят циклоны и антициклоны, движутся воздушные потоки, несущие тепло и холод. Весной радуется он травке на газонах под его стенами, ароматом персидской сирени, тут же произрастающей. Осенью любит пламенеющей рябиной, что заглядывает в ок-

на первого этажа.

Век дома длиннее человеческого, и всё же пятьдесят лет даже для кирпичного строения не юношеский возраст, а тот, когда есть что вспомнить и подвести какие-то итоги.

Рисуя портрет дома, следует сказать, что он о четырёх стенах, четырёх этажах под четырёхскатной крышей. Два подъезда по шестнадцать квартир. Петербуржцы не употребляют термин «подъезд», они говорят «парадная». В женском роде. Остановимся на этом варианте. Причём повествование будет сосредоточено на первой парадной.

Следует дать пояснение, почему вдруг мы обратились к лексикону петербуржцев. Наш дом не состоит в реестре жилья славного Санкт-Петербурга и всё же находится поблизости от второй столицы нашего государства, посему влияние мегаполиса чувствуется. Находится дом в городе под названием Городок. Имя самое точное. Не город в полном смысле этого слова, но и не посёлок сельского типа. С Санкт-Петербургом его роднит факт – оба стоят на Неве. Не ищите название нашего населённого пункта на карте, у автора своя география.

Городок возник благодаря строительству крупнейшей на северо-западе советского государства ГРЭС – тепловой электростанции.

Местность в округе богата стратегическим сырьём – торфом. В индустриальные тридцатые годы XX века начали строить ГРЭС, заодно и Городок. На заре советской власти

имелся план развития электрификации России – ГОЭЛРО, по которому страна создавала свою энергосистему. Строились гидроэлектростанции (к примеру, Днепрогэс) и тепловые на угле или торфе. С рекой понятно: энергия воды крутит турбину, та даёт электричество. Уголь добывают в шахтах или карьерах, а затем энергия, выделяемая при его горении, превращается в электричество. Торф тоже надо добыть, прежде чем сжечь. Для этого создавались так называемые торфопредприятия.

Автору попала в Интернете цитата:

«Первыми начинали работать так называемые карьерщицы. Торф образовывался в течение многих тысяч лет за счёт разложения водной растительности в водоёмах без доступа воздуха. Поэтому в нём имелись неперегнившие остатки крупных деревьев – коряги. Если такая коряга попадала в насос, он ломался. Чтобы предотвратить поломки, карьерщица ползала в торфяной жиже, по пояс и выше, оттаскивая коряги в сторону. Это был поистине адский труд. Торфосезон начинался во второй половине апреля, земля ещё не оттаивала, и карьерщице приходилось работать в воде, перемешанной с ледяным крошевом. На ней был непромокаемый костюм, но, как обычно, всё, что не должно промокать, практически всегда промокает. Через два-три часа непрерывной работы девушка вылезала из карьера с распухшими руками, насквозь продрогшая и смертельно уставшая. Для согрева карьерщицам полагалось некото-

рое количество водки, но водка передавалась через бригадиров-мужиков, которые не могли выпустить из рук этот драгоценный напиток и выпивали его сами».

Старожилы нашего дома так или иначе были связаны с ГРЭС. Кое-кто из женщин познал на себе труд карьерщиц.

Дом строился в шестидесятые годы XX века. В архитектуре Советского Союза в те времена господствовал стиль, неофициально именовавшийся «хрущёвским». Его разработчикам удалось успешно реализовать идею совмещения туалета с ванной, однако совместить кухню с туалетом, а потолок с полом не получилось. Но кое-чего добились, особенно в панельных домах. Нашему герою повезло, он соорудался из кирпича, кухни изначально оснащались печами на дровах или угле для приготовления борщей и других питательных блюд, посему требовали кое-какой площади.

Один из парадоксов советской экономики. Дом стоял рядом с гигантом электроэнергетики, казалось бы, почему не оснастить его электроплитами. Экологично, экономично, эстетично. Нет, электричество использовали в государственном масштабе, прежде всего, нацеливали его энергию на нужды индустрии – на фабрики и заводы. Лишь в конце восьмидесятых годов XX века печки упразднили и провели газ. Ушлые жильцы извлекли житейскую выгоду из нововведения – оборудовали квартиры настоящими, как на островах туманного Альбиона, каминами. Местные умельцы делали их за смешные деньги. В доме имелось главное для осна-

щения квартир каминами – надёжные, проверенные десятилетиями эксплуатации дымоходы. Кто-то шёл дальше в модернизации квартиры – убирал стену, отделяющую кухню от комнаты, получалась отличная гостиная. Заметьте – с камином!

Стоит дом на улице Гоголя. Великий писатель не имел никакого отношения к данной местности. Есть предположение, чиновник, который ввёл в топонимику населённого пункта Николая Васильевича, делал это из соображения, а вдруг автор «Невского проспекта» мистическим образом поможет Городку обрести свой Невский проспект. Почему бы нет, рассуждал, ведь Нева от улицы, носящей имя великого писателя, отстоит не намного дальше, чем в Питере от знаменитого проспекта.

Пока мистического влияния Гоголя на обретение Городком черт Питера не наблюдается, дело с Невским проспектом застопорилось.

Нам печалиться по данному поводу некогда, пора начинать повествование о доме по Гоголя, 15. Рассказ коснётся целого ряда квартир интересующей нас парадной, а стартовать будем с «нехорошей». Вовсе не от того, что «в семье не без урода», который в первую очередь норовит попасть в строку. С ходу и не объяснишь, почему «шестнадцатая» напросилась в самое начало жизнеописания дома.

Прокурор и его тёща

«Шестнадцатая» завершала список первой парадной. Никогда не встречал в домах «нумерацию с хвоста поезда», поэтому последняя квартира классически находится на последнем этаже, в нашем случае – четвёртом. Была она не категорически нехорошей, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите». Воланд со своей свитой, насколько известно автору, в ней не останавливался. Однако на площадях, ограниченных стенами «шестнадцатой», случались пожары, потопы, разводы, самоубийства.

Лида Яркова из «третьей» квартиры не один раз говорила владельцам «шестнадцатой»: «Надо срочно освятить помещение». Однако никто к ней много лет не прислушивался.

Если не углубляться в историю «шестнадцатой», а начать с нулевых годов XXI века, стартовый год нулевых знаменателен для квартиры фактом – в ней поселился прокурор Городка. И не откуда-то с соседней улицы переехал, а из далёкого жаркого Ташкента. Как он, из другого государства прибывши, стал прокурором – история умалчивает. В те годы (как, собственно, и в текущие) немало чудес имело место в чиновничьей среде.

Прокурор имел отнюдь не прокурорскую внешность в её обычном понимании, когда весь он из себя неприступный, а на челе неизбывная печаль по поводу преступной сущно-

сти человеческой природы. В нашем случае – молодой, видный и современный. Угадывалось во внешности наличие толики восточной крови по бабушкиной или дедушкиной линии. Чёрные густые волосы, чёрные глаза, смуглая кожа, гордая посадка головы, манеры интеллигентного человека.

Одевался стильно, чаще в фирменные джинсы и модные пиджаки, элегантные плащи и пальто. Жена, Светлана, под стать ему – яркая, сильная женщина. В отличие от мужа в ней время от времени проскальзывали нотки вульгарности. Выражалось это в громком смехе, резких окриках собаки: держали кавказскую овчарку – суку. Светлана тоже относилась к юридическому сословию, но в Городке, поддавшись всеобщей бизнес-лихорадке, занималась не юриспруденцией, а торговлей. Создала небольшое предприятие по продаже быстро портящейся продукции (овощей, фруктов), возможно, произрастали они в жарком Узбекистане.

Прожили супруги семейной жизнью в нехорошей квартире чуть более двух лет. Первым в подъезде о смерти прокурора узнал Славик-трубач, единственный житель дома, имеющий непосредственное отношение к культуре, – Славик играл в духовом оркестре, но не на трубе, которая дала приставку к его имени с лёгкой руки острослова, оставшегося неизвестным, а на тубе – самом низком по звучанию и большом по габаритам духовом инструменте.

Славик и сам не из маленьких. Этакий двухдверный шкаф. Причём не из ДСП на скорую руку с помощью степ-

плера сделанный, а неподъёмный – из дуба или ясеня основательно построенный. Большому человеку большое плавание. Так ему и сказали в пионерском возрасте, когда пришёл записываться в музыкальную школу, он уже тогда отличался габаритами. Проверив слух, ему вручили тубу – самый тяжёлый духовой музыкальный инструмент. Про Славика ещё будет разговор, сейчас не о нём речь. В тот вечер к Славiku пришла жена прокурора Светлана, не переступая порог ого-рошила:

– Послезавтра хороню мужа, ваш оркестр не занят?

– Не занят, – ответил Славик. – А что случилось?

Славiku прокурор нравился: нос не задирает, первым здоровался, приветливо улыбался.

– А что случилось? – повторил вопрос Славик.

– В двенадцать похороны от подъезда, задаток нужен?

– Не надо никакого задатка, сыграем, – сказал Славик, – сейчас Данилычу, руководителю оркестра, позвоню. А что случилось?

– Значит, договорились, – в третий раз пропустила вопрос мимо ушей Светлана.

Оркестр, в котором играл Славик-трубач, тогда ещё был востребован в Городке, чаще по печальным поводам – похоронам. Славик имел обыкновение, подвыпив, заверять всех знакомых, чтобы не беспокоились, он обеспечит сопровождение их похорон профессиональной музыкой.

– У нас не пацаны сопледуи, – запальчиво утверждал, –

мы играть, так играть!

В Городке долгие годы была традиция – обязательно, перед отправкой похоронной процессии на кладбище, устанавливали гроб на двух табуретках перед родным подъездом усопшего, дабы сделал он последний привал по дороге к месту погребения. Гроб стоял порядка получаса. Подходили знакомые, соседи, не обязательно молча стояли, кто-то говорил хорошие слова об усопшем, желал ему «землю пухом».

Тут же наливали по чуть-чуть водки «за помин души», но без закуски. Детям раздавали конфеты и пряники. Оркестр печальной музыкой начинал церемонию, затем делал паузу, давая возможность сказать прощальные слова. В зависимости от обстоятельств ещё раз два играл, прежде чем гроб брали на плечи и несли к катафалку. Исполнял оркестр траурную музыку и на кладбище. Там, поминая усопшего, выпивали с закуской – обязательно присутствовала кутья, бутерброды. Гроб выносили со двора на руках, при этом на дороге бросали запашистые еловые ветви (вокруг Городка росли еловые леса). Катафалк ждал в отдалении. Под него в стародавние времена выделялась обычная бортовая машина – ГАЗ или ЗИЛ. Дно устилали ковром, борта опускали. Двигался гроб по Городку, как на лафете. Подобным образом хоронили в шестидесятые годы, позже – катафалками служили автобусы «ПАЗ».

Был ещё нюанс в нашей парадной: после отбытия похоронной процессии на кладбище кто-то из женщин мыл пол

в квартире усопшего, лестничную площадку перед ней, а также все площадки, что были ниже, и лестницу до первого этажа.

Оркестр с участием Славика создавал соответствующую атмосферу скорбным минутам последнего пути почившего.

Крайне рано проследовал по нему прокурор из нехорошей квартиры.

– За него только дома можно молиться, – тихо говорила кому-то из соседей, стоя поодаль от гроба, Лида Яркова, – да ещё милостыню подавать. И голубей кормить. Зачем так-то было? Наделал делов. А молиться святому мученику Уару.

Прокурор пришёл утром в рабочий кабинет, достал пистолет и выстрелил в висок. Расследование ничего не дало. В доме поговаривали, что жена Светлана, раскручивая торговый бизнес, набрала кредитов, а кредиторы с бандитским уклоном, они-то и довели супруга-прокурора до точки-пули. Так ли это или вовсе не так, доподлинно никто сказать не мог.

Однако «шестнадцатая» не осиротела после трагической гибели хозяина. Как раз наоборот. К Светлане приехала куча родственников, в том числе две сестры. В сумме получилось три сестры под одной крышей. Были они далеки от чеховских героинь из пьесы с таким же количеством кровных родственников по женской линии. Сёстры являли собой персонажи другой комедии. Но им в нашем повествовании места на первом плане не нашлось, задвинула дочек в пыль кулис

их мама, в недавнем прошлом тёща прокурора. Женщина неповторимая. Одно имя чего стоит – Ариадна Арнольдовна. Натура выдающаяся во всех отношениях. Энергии на пятерых, никак не меньше. Для размещения такого количества термояда требуется соответствующий объём, посему Ариадна Арнольдовна была дамой корпулентной, или, говоря по-русски, – широкофюзеляжной. И в высоту метр семьдесят пять не меньше. Узбекские дали с палящим солнцем не повлияли на её русскую красоту. Шапка вьющихся русых волос на величаво посаженной голове, широкоскулое лицо с выразительными глазами, грудной богатый обертонами голос. Полнота фигуры не мешала двигаться хозяйке легко и изящно. Эффектная, что там говорить, дама. Дочери получились помельче.

Внутренний облик Ариадны Арнольдовны тоже отличался динамичной монументальностью. Прилетев на похороны мужа старшей дочери с южных окраин бывшей Российской империи, она, попечалившись над гробом зятя-прокурора, предав его земле под траурные звуки тубы Славика, прочно обосновалась в «шестнадцатой» квартире.

Будучи по крови русской, поступила самым восточным образом, чуть пустила корешки на новом месте, тут же подтянула к себе кучу родственников. Приехали две сестры Светланы (не чеховские героини), причём одна с мужем и дочерью. Не поленимся и позагибаем, производя подсчёты, пальцы: Светлана с дочерью, плюс сестра с дочерью,

плюс Ариадна Арнольдовна, плюс ещё одна её дочь. В сумме шесть женщин да ещё овчарка женского пола. Чтобы не тянуть кота за хвост, скажем сразу: с учётом нехорошести «шестнадцатой» второй зять Ариадны Арнольдовны был обречён. Что вскоре и случилось – погиб в автомобильной катастрофе. Славик снова старательно выдувал у подъезда траурный марш Шопена.

– О святить надо квартиру, – было первой реакцией Лиды Ярковой на известие о смерти второго зятя из «шестнадцатой». – Сколько им говорила...

Лида в Великий четверг ездила в Шлиссельбург (пока не было церкви в Городке) в храм на «двенадцать Евангелий», привозила со службы святой огонь (был у неё особый фонарь, куда вставляла долгоиграющую свечу), а ночью тайком крестила очищающим огнём входную дверь парадной, а потом входные двери всех квартир. Как партизан в тылу врага, бесшумной тенью двигалась по спящему подъезду от двери к двери. Однако нехорошесть «шестнадцатой» не удавалось перебороть.

– Не везёт мужикам из «шестнадцатой», – сказала Додониха – Додонова Дарья Степановна, жительница «двенадцатой» квартиры, расположенной как раз под «шестнадцатой». – За полгода двоих снесли на кладбище, – продолжила Додониха свою грустную мысль. – Говорят, Светкин отец в Ташкенте пока. Наверное, скоро приедет.

В своём предположении Додониха ошибалась. Муж Ари-

адны Арнольдovны обладал завидным чутьём. Мало того, и не подумал переезжать в Городок к своему многочисленному семейству, он ни разу в гости к ним не заявился. Не пожелал своими глазами увидеть, как его «женский железный батальон» (так окрестил жителей «шестнадцатой» Славик-трубач) поживает в северных широтах. Не возжаждал обнять дочечек, что кровь от крови, и внучечек любимых не захотел лично подарками обрадовать. Отсидивался в своём Ташкенте, как в крепости, глаз на берега Невы не казал. Всем нутром чувствовал роковую сущность «шестнадцатой».

Женщины, надо заметить, не больно сокрушались от мужских потерь и отсутствия крепкого плеча. Жили деловой и слаженной жизнью, хотя никто не работал. Однако день у них начинался крайне рано. Возможно, перебравшись из жаркого Узбекистана в северо-западные дали на добрых четыре тысячи километров, продолжали по привычке жить по узбекскому расписанию. Шумно поднимались ни свет ни заря.

Много раз случалось, что спящий двор оглашался криком: «Света-а-а-а-а! Кинь браслет!» Или: «Ксения-я-я-я-я-я-я! Положи мой паспорт в пакет и брось!» Это значит, одна из женщин, спустившись на первый этаж, вдруг вспомнила об оставленных дома вещах, или документах, или ключах, подниматься на четвёртый, бить ноги с утра не возникало никакого желания, поэтому забывчивая вставала напротив окон «шестнадцатой» и включала громкую связь. Про-

исходило это с завидной постоянностью. Женщины были настолько скоростные и моторные, что ухитрялись обгонять мысли, они частенько с запозданием достигали их светлые головы.

Никто из женщин никогда не задумывался, что ранние вопли на всю округу могли причинять неудобства спящим соседям. Подобным мелочам не придавали значения. Мыслили исключительно масштабно.

Сёстры с мамой прожили в нашем доме менее трёх лет. Ариадна Арнольдовна минуты не думала навсегда осесть в «шестнадцатой». Не по причине ощущения нехорошести квартиры, нет – теснота хрущёвки был не её уровень.

При этом не тешила себя надеждами: многочисленные дочери, пусть даже красавицы, найдут принцев или олигархов и упорхнут из Городка, прихватив с собой во дворцы с видом на море дорогую маму. Она давно привыкла надеяться, прежде всего, на себя. Со свойственной ей вулканической энергией и неординарностью бесстрашно принялась заниматься жилищным вопросом для всего женского коллектива «шестнадцатой».

Есть под Петербургом место с экзотичным названием, от которого веет волнующим ароматом древней истории, – Пелла. Аналогичное имя носила столица древней Македонии, в которой родился покоритель мира Александр Македонский. Пеллу на берегах Невы затеяла в XVIII веке построить Екатерина II с дальним прицелом. Во внуке Александре (буду-

щем императоре Александре I) хотела видеть государя аналогично победного кроя, как Александр Македонский. Возможно, императрица полагала, северная Пелла мистическим образом повлияет на судьбу любимого внука – он станет не менее велик, чем тёзка Македонский.

В красивейшем месте, где Нева на своём пути из Ладogi в Финский залив делает крутой поворот и преодолевает пороги, Екатерина II принялась энергично возводить величественный дворец, о котором говорила: все остальные будут хижинами по сравнению с ним. Царица начала с размахом строить загородную резиденцию, да не довела дело до победного конца.

Знала ли о планах Екатерины Великой Ариадна Арнольдовна, автору неизвестно, однако она выбрала Пеллу под коттедж, решив, где, как ни здесь, возводить дом. Пусть не столь грандиозный, как екатерининский, зато, в отличие от императрицы, свой непременно сдаст под ключ. Известно, что Екатерина II приостановила бурное строительство с началом Русско-турецкой войны. Сначала возникли финансовые затруднения, а потом ещё более радикальные – умерла императрица.

После смерти матушки Павел I не подхватил эстафету Пеллы, проект не вдохновил его, более того, приказал разобрать построенные здания и пустить высвободившийся строительный материал под строительство Михайловского замка.

У Ариадны Арнольдовны финансовых проблем не наблюдалось. Тоже парадокс, никто из не чеховских трёх сестёр не работал. Бизнес по торговле ташкентскими товарами после смерти прокурора Светлана свернула. «Откуда деньги, Зин?» выяснила Додониha. Субсидировал «женский железный батальон» загадочный глава семейства, безвылазно проживающий в далёком Ташкенте. Причём, как опять же установила Додониha, давал только наличкой. За ней время от времени, примерно раз в два-три месяца, совершала авиапоездки Ариадна Арнольдовна. На ташкентские транши члены «женского батальона» безбедно жили, растили и учили двоих детей, а Ариадна Арнольдовна ударными темпами строила коттедж. «Большущий, – рассказывала Додониha, она видела фотосессию строящегося объекта, – из кирпича, а какая терраса, хоть в догоняшки по ней бегай».

Светлана через какое-то время возобновила занятия бизнесом, но не куплей-продажей, открыла юридическую фирму в Петербурге. Надо понимать, стартовые деньги тоже имели ташкентские корни. Каждое утро за Светланой заезжала красивая машина, а вечером она же привозила бывшую прокуроршу обратно. Додониha разузнала, что автомобиль принадлежит Светлане, водителя наняла. Сама не водила. Невозможно поверить в то, что такая женщина, опасаясь руля, побоялась пойти на курсы вождения. Скорее всего, не могла выкроить время в своём напряжённом графике, чтобы получить права и научиться самолично водить авто. Оно

и понятно, жизнь развивалась стремительно и непредсказуемо, только успевай поворачиваться.

Можно предположить, что русская кровь, которая считается медленной, под узбекским солнцем обретает завидный скоростной потенциал. В нужный момент он начинает, действовать и тогда не удержат. Судите сами: жила не тужила Светлана под крылом у прокурора. Упакована полностью – авто у мужа личное, авто служебное, зарплата достойная. Вдруг всё разом рушится: ни крыла, ни прокурора, ни мужа. Для Светланы это не стало вселенской катастрофой.

В иные дни она не ездила в офис своей фирмы, но выскакивала из подъезда к машине, чтобы передать водителю бумаги. Выскакивала в длинном – в пол – бархатном бордовом халате, с небрежно заколотыми на затылке волосами. Эту картину надо было видеть. Шикарная женщина, в самой силе, идеальных объёмов (когда всё есть и всё на месте), в шикарном халате, не в элегантном платье или стильном костюме, именно – халате, придающем неповторимый, со штрихами интима шарм, на какую-то минутку быстрым шагом (это могло быть промозглой осенью, снежной зимой, ветреной весной) выходит из парадной, ударяя полными коленками по полам халата, и отдаёт водителю папку с бумагами. А затем, оставляя после себя шлейф восхитительных запахов, скрывается в подъезде.

Коттедж в Пелле был обречён на победные сроки возведения. Уникальная Ариадна Арнольдовна ждать не могла, не

хотела и не умела. Она не чикалась со строителями, пару раз меняла бригады каменщиков. С отделочниками поступила мудрее, их по её требованию прислал таинственный муж из Ташкента. Надо думать, он откупался от супруги всеми способами, только бы не оказаться с «женским железным батальоном» на одном жизненном пространстве. Смерть зятьёв красноречиво свидетельствовала, что женских сил столько собралось в объединённом «железном батальоне», что его присутствие среди них обязательно закончилось бы для него роковым образом. Не желал стать заработком для траурно-шопеновского оркестра Славика-трубача.

Не прошло и года с начала работ на нулевом цикле, как коттедж уже смотрел новенькими окнами в сторону Невы, а весело-голубой металлочерепицей крыши – в небо Пеллы.

Наша парадная навсегда запомнила переезд обитателей «шестнадцатой». Такого ещё не было в истории дома. На грузчиках Ариадна Арнольдовна решила сэкономить. В одно раннее августовское утро, часиков этак в пять, когда самый сон, дом проснулся от невероятного грохота. Как рассказывала жительница восьмой квартиры Галя Сокол (ей и её мужу Васе обязательно посвятим целую главу), подумала – землетрясение.

– Подумала землетрясение! – рассказывала соседкам. – Сердце заколотилась об рёбра – вот-вот выскочит. Для начала сама выскочила на балкон – оглядеться. Вижу, слева от нашего балкона на поломанных кустах сирени и смятых в

пыль цветах лежат створки шкафа – полноценного шкафа. А с балкона «шестнадцатой» квартиры на это форменное безобразие смотрит Ариадна Арнольдовна. То есть она бросила дверцу и целится боковую стенку пустить следом, не успела ей ничего сказать, как из подъезда выскочила Дуся Саморезова.

Саморезовы жили на первом этаже в четвёртой квартире. Дуся была закалённой в житейских битвах. Поспособствовал выковке характера муж Гена. Человек мастеровой и пьющий. «Руки золотые, а горло дырявое» – в полной мере относилось к данному жителю дома. Росли в семье дочери-двойняшки Маша и Наташа. Умненькие и талантливые. В школьные годы учились на круглые пятёрки по общеобразовательным предметам и по классу аккордеона в музыкалке, да и позже в жизни сумели неплохо в Питере устроиться. Гена ими гордился, но пить, к сожалению, от этого меньше не стал. Дуся выросла не в разнеженных жарким солнцем южных широтах, а на просторах Ладоги – в Шлиссельбурге. Волевая, решительная, если Гена вдруг начинал буйствовать, по соседям с истошными криками «убивает» не бегала, разруливала ситуацию сама. Бывало, ночью распоясавшегося Гену забирал выдавший дорожные виды милицейский «уазик». А утром Дуся появлялась во дворе со свежим фингалом, но без тени смущения из-за красноречивой отметины под глазом. Наоборот, была преисполнена чувством собственной правоты и гордостью за очередную победу. Это продолжалось до

средины девяностых годов, когда Гена совсем слетел с катушек. Дуся выгнала мужа, он умер у родителей, употребив какую-то гадость на спиртовой основе.

Дуся, увидев непотребную картину с дверцей шкафа, накинула халатик и включила сирену прямо от порога своей квартиры. За пределами парадной крик достиг максимальной мощи. Персидская сирень, которая приняла на свою красоту створку шкафа, была гордостью Саморезовой. Лелеяла не один год, и вдруг нежные ветви грубо используются в качестве амортизирующего материала при транспортировке тяжёлых вещей методом сброса их с четвёртого этажа. Дуся не скупилась в выражениях, орала на Ариадну Арнольдовну, но та и не думала отвечать, вместо этого метнула боковую стенку шкафа. Надо сказать, Ариадна Арнольдовна пускала детали гардероба настолько метко, будто всю жизнь только и делала, что переезжала с верхних этажей без помощи грузчиков. Саморезова едва успела отскочить на безопасное расстояние. Стенка шкафа легла рядом со створками, серьёзно травмировав ещё один куст персидской сирени.

Дусе помогла в словесной баталии Додониha. Тоже женщина не слабого характера.

Напомним, её «двенадцатая» квартира располагалась как раз под нехорошей «шестнадцатой». И эту нехорошесть Додониha ощущала все годы, пока над головой размещался «железный батальон». Её периодически заливали, так как кто-нибудь из сестёр обязательно забывал закрыть воду в

ванне, наполненной полоскающим бельём. Или начинала подтекать труба в туалете. Додониha, как и Саморезова, прожила жизнь не сладкую. К описываемому нами времени с ней в квартире осталась только младшая дочь и старушка свекровь, два сына и старшая дочь уже покинули родное гнездо, муж не был таким запойным, как Гена Саморезов, однако к трезвенникам его никак нельзя было отнести, помотал нервы супруге на этой почве, закаляя её характер. Умер года за два до появления летающих шкафов за окном. Не сахарная жизнь досталась Додонихе.

Поддерживали её в несладком тоне и женщины «шестнадцатой». Если уж шкафы сбрасывали с балкона, тем более не выносили выбивать во двор огромный палас, который лежал у них в большой комнате. Гигантский, узбекских кровей палас вешивался на балконе (при этом одним краем он касался перил балкона Додониhi), затем начинались удары палкой по пыльным площадям. Пыль щедро летела во все стороны и прежде всего на балкон Додониhi.

Дарья Степановна зверела от такого обращения с экологией среды её обитания, выскакивала на балкон и материлась во весь свой натренированный на муже и детях голос. Непечатные выражения летели в адрес Ариадны Арнольдовны, Светланы и всего остального «женского батальона», включая овчарку-суку, последней за то, что могла вдруг ни с того ни с сего завывать среди ночи. Собака тоже не могла привыкнуть к европейскому времени.

Что самое обидное во всей этой скандальной ситуации: Додонихе никто не отвечал, даже собака не считала нужной гавкнуть в ответ и поддержать скандал. Лишь удары палкой по паласу становились энергичнее.

Разобранный заранее шкаф, несмотря на все взывания соседок к совести, был-таки по воздуху переправлен на землю. За ним приехал маленький грузовичок. Он несколько дней перевозил вещи из «шестнадцатой». Без всяких грузчиков. Какие-то сумки «железный женский батальон» выносил к машине в руках, но в основном всё преодолевало расстояние до земли в свободном полёте.

Наконец «батальон» покинул «шестнадцатую». Напоследок Ариадна Арнольдовна совершила поступок, которым несколько удивила автора повествования. Ариадна Арнольдовна, в последний раз спускаясь по лестнице с каким-то узлом, вдруг позвонила Додонихе и сказала:

– Ты, Дарья, сердце на нас не держи, девки у меня, конечно, заполошные, не без этого, но не со зла.

Додониха от неожиданности застыла с раскрытым ртом, а потом поспешно заговорила:

– Да ладно, по-соседски чего только не бывает.

Ариадна Арнольдовна вдруг опустила у порога узел, шагнула к Додонихе, крепко обняла, расцеловала и её со словами:

– Вот и хорошо, – подхватила узел и с высоко поднятой головой зашагала вниз по лестнице.

Додониha, вытирая углом фартука враз повлажневшие глаза, пожелала вослед Ариадны Арнольдovны:

– Дай Бог счастья на новом месте.

И перекрестила уходящую спину.

В «шестнадцатую» через пару дней вселился Витя-мент.

Витя-мент

Витя-мент служил мелким начальником в ГАИ, вернее – ГИБДД. Вид имел довольно потрепанный. Опытный глаз сразу делал вывод: попивает товарищ. Возраст за сорок, с брюшком, на голове растительность, кою язык не поворачивается именовать шевелюрой. Потравленный жизнью субъект, тогда как жена Лена необыкновенно приятной внешности. И ослепительно молодая. Дуся Саморезова откуда-то вынюхала – брак у Вити четвёртый, от предыдущих имеются дети, даже взрослые.

Дуся, Додониха, Лида Яркова да и другие женщины парадной жалели нежную Лену и осуждали гаишника.

– Вот же старый пенёк, – ругалась Додониха, – ни стыда, ни совести! Лена ему в дочки годится – персик, ягодка. Охмурил девчонку.

– Ладно бы жила за ним, как куколка, – поддерживала соседку Саморезова, – он других, Лена мне как-то пожаловалась, постоянно зажимает. Ещё тот греховодник. И грубиян, никогда не поздоровается. Идёт и не посмотрит, будто я ему три рубля должна.

Первым, с кем из парадной заговорил Витя-мент, был Славик-трубач. Тот в лёгком подпитии с инструментом, убранном в матерчатый чехол, возвращался с похорон, а Витя-мент курил у парадной.

– Трубачи Первой конной армии, – бросил он, когда Славик поравнялся с ним. – В тубу дудим?

И поверг Славика в шок. Название его инструмента в парадной мало кто знал, хотя он дудел в тубу с пионерского возраста. А уж про картину Грекова, увековечившую мастеров духовой музыки, тем более никто не упоминал в его присутствии из соседей.

– Тоже музыкант? – с надеждой спросил Славик.

– Не, – засмеялся Витя-мент. – У меня первый начальник был, так у него в кабинете висела картина «Трубачи Первой конной армии». Если он, собрав нас на опертивку, говорил: «Ну что, трепачи Первой конной», – значит, настроение хорошее, можно не вибрировать. Когда начинал оперу со слов: «Что, рвачи Первой конной, скажете? Опять поборами занимались!» – прикрывай задницу сковородкой, сейчас начнёт направо налево вставлять дыни. Новичка мог в качестве теста подвести к картине и спросить: «Какие инструменты изображены?» Попробуй не ответить. Потому я твою дудку знаю в лицо. Фамилия у него была Дударев, за глаза его звали Дудкин. Дед у него когда-то играл в оркестре пожарных.

У Вити-мента с Леной долго не было детей. Кирилл родился, когда Витя ушёл со службы или ушли. Та же Дуся Саморезова, у неё была знакомая в милиции Шлиссельбурга, разузнала, что Витя мухлевал с правами, помогал за деньги получить тем, кто не хотел честно учиться в автошколе. Славик-трубач спросил Витю:

– Зачем из ГАИ ушёл?

– Везде есть стукачи Первой конной армии, – ёмко прозвучало в ответ.

Повесив на гвоздик милицейскую форму, он занялся купи-продай бизнесом – покупал в порту подержанные машины с целью ремонта и последующей реализации. Машины нагло ставил во дворе дома, загромождая и без того маленькую стоянку. Часть из них тут же во дворе ремонтировал, производил предпродажную подготовку. Автомобили, как правило, имели заслуженный (в смысле – долго служили прежним хозяевам) вид. Не отличались шикарностью. Витина супруга Лена брала у мужа отремонтированные, но ещё не проданные авто, и гоняла по Городку. Водила она лихо. У автора есть подозрение, на почве лихачества и познакомилась Лена с работником ГИБДД Витей.

Дуся Саморезова Витю метко охарактеризовала: кручёный мужик. Витя вполне оправдывал Дусино звание. Пройдя этап предпринимательства, связанный с ремонтом и продажей машин, поднялся на ступеньку выше, организовал таксофирму из нескольких авто и сам в ней работал водителем. Фирма просуществовала недолго, на рынок пришли люди с деньгами и мелочёвку вытеснили, Витя-мент на какое-то время стал таксистом. Причём предпочитал ездить ночью. Днём у него без того дел хватало. Повествование наше неторопкое, посему стоит описать эпизод, который характеризует дополнительными чертами Витю-мента, а также вводит в

ткань рассказа ещё одного жителя нашей парадной – Агнию Львовну Сокур из «одиннадцатой» квартиры.

Она и её муж к безоговорочным старожилам дома, который открыл свои новенькие двери жильцам в 1965 году, не относились. Путём обмена квартиры переехали в него на двадцать лет позже. Как раз в период расцвета горбачёвской перестройки, если кто помнит этого генсека-говоруна с нехорошей тёмной отметиной на обширной лысине, под которой, к сожалению, особого умища не наблюдалось. Тратить время на воспоминания о нём не будем, а вот дань памяти Гене Саморезову стоит отдать ещё раз – он первым познакомился с семьёй Сокур. Было это так. Новосёлы разбирали только что внесённые в квартиру чемоданы и коробки, вдруг звонок в дверь. Замкнул контакты звонка Гена. Он не относился к праздношатающимся празднословам, которые могут отвлекать по пустякам: здрасьте, пришёл познакомиться. Гена отправился к новосёлам по конкретному делу. Открыл дверь Андрей Павлович, новый хозяин «одиннадцатой». Гена не стал ждать, когда его пригласят в квартиру, сразу перешёл к цели визита:

– Здрасьте, займите, пожалуйста, три рубля.

Мужчины в те времена три рубля занимали исключительно на бутылку.

Хозяин «одиннадцатой», не скрывая удивления, произнёс:

– Слушай, я не знаю ни кто ты, ни где живёшь! И вдруг

«дай займы».

Гена искренне удивился неосведомлённости соседа.

– Да ты чё, я же из «четвёртой», Гена Саморезов. Пойдём с родителями познакомлю. Дуся, правда, на работе. И это, я тебе скажу, хорошо. Женщина она неплохая, грех напраслину возводить, но когда на работе – это значительно лучше. Пошли!

Приглашал он искренне, настойчиво, едва за рукав не начал тянуть. Что и решило дело.

– Познакомимся, Геннадий, с твоими родителями в другой раз, – сказал сосед, крикнув вглубь квартиры: – Агния, три рубля дай соседу.

Через неделю Гена честно долг вернул. Всем соседям говорил:

– В «одиннадцатой» настоящие интеллигенты поселились. В научно-исследовательском институте работают, другой бы послал на три весёлые буквы и захлопнул дверь: гуляй, Гена, жуй опилки, я – начальник лесопилки. В самом деле, пришёл неизвестно кто и просит дать ему три рубля за здорово живёшь. Этот вежливо выслушал, жене велел выдать необходимую сумму, она с улыбкой вручила. Приятная женщина, сразу видно, человек не с базара, а с высшим образованием. Дескать, пожалуйста, Геннадий Петрович, если у вас острая надобность в деньгах, возьмите и ещё заходите при финансовом затруднении. Даже представить не могу, чтобы моя Дульцинея вот так вот кому-то могла вынести

трёшку. Она мозг вынесет, попроси у неё трояк. Нет, сразу видно – интеллигентные люди.

Гена задружил с «одинадцатой», раза два отремонтировал им стиральную машину и пылесос. Это для него были семечки.

Жизненные интересы Вити-мента и Андрея Павловича не пересекались. Абсолютно. Тогда как Агнии Львовне однажды понадобилось такси. Её питерская подруга предложила съездить в Псково-Печорский монастырь. Паломничество не паломничество, некоторые батюшки с иронией называют такие поездки православным туризмом. Не будем впадать в грех осуждения, скажем, что автобусы стартовали в семь утра из Питера от станции метро «Московская». До этой станции из Городка добрых два часа добираться.

Заказала Агния Львовна такси на пять утра, чтобы к открытию метро быть на станции «Дыбенко», далее ехать подземкой до «Московской». Была у неё причуда – такси заказывала не к парадной, а к магазину «Десятка», что на соседней улице. «Так удобнее», – объясняла. Паломничество совершалось в августе. Питер не Узбекистан и не Сочи. Август не всегда балует теплом. Не из жарких месяцев. В пять утра было зябко, сумрачно и безлюдно. Агния Львовна вышла со двора, увидела на автостоянке у магазина одинокое авто неопределённой марки и неопределённого цвета, дёрнула заднюю дверь, дабы поскорее оказаться в тёплом салоне. Однако её там явно не ждали. Заднее сиденье занимали

вещи, наваленные горой: сумки, пакеты... Несколько пузатых арбузов, каждая ягодка килограммов на десять, заполнили площадь пола.

Ни сесть, ни ноги поставить.

Водитель зашевелился и сонным голосом предложил:

– Садитесь вперёд.

Агния Львовна узнала Витю-мента, но это не решило вопрос в его пользу. Пассажирка твёрдо произнесла:

– Я поеду сзади.

Витя вылез из машины и начал молча перекладывать часть вещей и арбузов на переднее сиденье. Делал это не торопясь, обстоятельно укладывая сумки и пакеты на новое место. Наконец Агния Львовна разместилась на заднем сиденье и назвала цель поездки:

– До Дыбенко.

Напомним, имелась в виду не улица, названная в честь пламенного революционера, а станция метро. Витя-мент и не подумал рвануть с низкого старта по указанному адресу. Всё также молча полез в бардачок и достал – что бы вы думали? – нож. Приличных размеров откидной нож, такие на зонах зеки изготавливают начальству под заказ, а начальство дарит их важным гостям. Не сказать, что Агния Львовна испугалась, когда острая сталь с сухим щелчком выпрыгнула из рукояти и зловеще сверкнула, но озадачилась. Утро, безлюдная улица, тесное пространство салона, крупный мужчина, хоть и выпивающий, но очень даже в силе, с бандитским

ножом в руке. У Агнии Львовны хватило мужества не начать панически дёргать ручку дверцы, дабы выскочить из авто, но руку на ручку положила.

Витя-мент, всё также молча, взял с переднего сиденья арбуз, взгромоздил себе на колени и вонзил в полосатый бок острый нож. Арбуз радостно хрустнул и с готовностью развалился пополам, выплеснув из себя умопомрачительный аромат свежести. Витя-мент взмахом ножа отхватил здоровенный ломоть и, не убирая с колен арбуз, начал смачно уплетать дар астраханской или какой другой бахчи, выплёвывая косточки в окно.

Агния Львовна человек интеллигентный, здесь Гена Саморезов не ошибся, но никаким бывшим гаишникам не могла позволить сесть себе на шею и ножки свесить. Картина таксиста, поедающего арбуз, вместо того, чтобы лететь по трассе, вывела её из равновесия. Агния Львовна вежливо, но со сталью в голосе сказала:

– Извините, что я вам мешаю кушать утренний десерт, но пора ехать, мне нужно к семи и ни минутой позже быть на Московской.

Витя-мент никак не отреагировал. Молча доел первый ломоть, небрежно швырнул корку в окно и отрезал второй. Этот поесть сразу не стал, ухитрился разместить половинки арбуза на загромождённое сумками переднее пассажирское сиденье, завёл мотор, и машина тронулась. Левой рукой водитель держал рулевое колесо, правой – ломоть арбуза, ко-

торый продолжал употреблять прямо на ходу.

Наконец, это безобразие закончилось, и тут же началось другое. Корка полетела в окно, водитель взялся за руль двумя руками и дал газу. В этот момент Агния Львовна очень пожалела, что поторопила соседа, сказав, что надо к семи. Машина понеслась по пустынной трассе. Мелькали столбы, ревел мотор. Одним словом – Формула-1 на берегах Невы.

В довершение всего Витя-мент на бешеной скорости достал сотовый и кому-то позвонил. Оказывается, не они одни бодрствовали в это раннее промозглое утро. Витя-мент долго с абонентом по имени Женя договаривался о встрече, перебирая варианты, где это удобнее сделать. Наконец вопрос был решён, Витя снова взялся за руль обеими руками и впервые за всю дорогу обратился к пассажирке. Сделал это вполне корректно.

– На Московскую в аэропорт? – спросил, имея в виду стоянку автобусов, идущих в Пулково.

– Нет, – коротко бросила Агния Львовна.

– Могу прямо в аэропорт, – предложил свои услуги Витя, – чуть дороже будет.

И назвал сумму, в два раза превышающую нормальную цену. По-соседски, так сказать.

Больше не проронил ни слова до конца поездки. К «Дыбенко» примчались за четверть часа до контрольного времени. У Агнии Львовны осталось время полюбоваться розовым восходом над спальным районом Питера.

В вагоне метро первым делом удалила из сотового номер диспетчерской таксофирмы, в которой работал Витя-мент. Однако буквально через пару месяцев вновь оказалась в машине соседа, вызвала не она, а дочь.

– Обошлось без арбуза, – рассказывала Агния Львовна Додонихе, – зато мы постоянно куда-то заезжали по его делам. То на заправку, то за каким-то клиентом, то на рынок к бывшей тёще. Вернувшись домой, я лично удалила номер его службы из мобильных всех своих родственников.

И всё же от Вити-мента не избавилась. Поклонница джаза, она пристрастилась ездить в джазовый клуб. Поразмыслив, пришла к выводу, что удобнее всего пользоваться услугами Вити-мента, напрямую договариваясь с ним. Витя-мент исправно возил соседку развеяться под звуки джаза.

Лена, жена Вити-мента, в один момент ушла от него к своей маме.

– Сколько раз говорила Лене, – делилась сокровенным Лида Яркова с Додонихой, – осяяти квартиру, нехорошая она. Не послушалась.

Лена погрузила свои вещи в машину, забрала сына Кирилла и уехала. Витя-мент частенько привозил Кирилла к себе на выходные. Лена ни разу больше в доме на Гоголя не появилась. Всезнающая Дуся Саморезова из «четвёртой» время от времени сообщала, что Лена замуж ещё не вышла, так с матерью и живёт. Витя-мент помогал сыну, сам больше не женится. Или был в поиске спутницы жизни, или что. Додо-

ниха злословила по этому поводу в беседах с подружайками из парадной:

– Поди, мечтает опять урвать такой же персик, как Лена! Лучше посмотрел бы на себя в зеркало внимательно, весь молю почиканный, а всё баб перебирает!

Самое-то интересное, однажды Лида Яркова решилась и сказала Вите, дескать, освятил бы свою квартиру. И он согласился. Не сразу, поначалу молча выслушал Лиду и, не удосужив ответом, ушёл. Через пару месяцев они столкнулись во дворе, Витя, вместо «здрасьте» бросил Лиде:

– Заказывай своего попа. Заплачу.

Так нехорошая «шестнадцатая» была освящена на радость Лиды, она больше других переживала из-за наличия в парадной нехорошей квартиры.

Галя и её Сокол

Мы уже обмолвились один раз о Гале с мужественной фамилией Сокол из «восьмой» квартиры. Пора о ней рассказать обстоятельнее. Галя родом из посёлка, что находится на правом берегу Невы, в считанных километрах от ГРЭС, где в Великую Отечественную войну с переменным успехом постоянно шли бои. Так называемый «Невский пяточок». Бои разрушили ГРЭС до основания. Насмотрелась Галя на убитых и раненых, рассказывала: «Нева была красной от крови». В январе сорок третьего Красная армия блокаду разорвала, Волховский фронт в районе деревни Марьино соединился с Ленинградским, а уже в апреле торфодобыча возобновилась. На восстановление ГРЭС понадобились рабочие руки в большом количестве. Потянулись жители, в основном девушки и женщины из соседних деревень. Галя с двумя сёстрами и матушкой тоже откликнулись на призыв. Восстанавливали из руин ГРЭС, строили Городок.

После восстановления ГРЭС Галя устроилась на теплоэлектростанцию учеником электромонтера. История умалчивает, что она вынесла в профессиональном плане из той учёбы, но навсегда отпечаталось у неё в голове словосочетание «вторичная коммутация». Когда в доме вдруг отключали вечером электричество, Галя заодно с другими недовольными жильцами выходила с фонариком на лестничную пло-

щадку и важно заявляла: «Надо проверить вторичную коммутацию на трансформаторе». Соседи уважительно замолкали и разбрелись по квартирам ждать, когда ремонтники разберутся с этой загадочной второй по счёту коммутацией.

Карьеру специалиста «второй коммутации» перебила вдруг открывшаяся вакансия на хлебозаводе, от которой Галя, наголодавшаяся в детстве, никак не могла отказаться. Однако работа на сытном заводе была едва ли не более тяжёлая, чем на торфозаготовках, на коих работала одна из сестёр Гали.

Сама Галя вышла замуж за Васю с боевой фамилией Сокол и родила двух дочек-погодков. С детьми сидела матушка, а Галя бегала к четырём утра на свой хлебозавод, дабы напечь хлеба на весь Городок. Работа в горячем цехе не прошла бесследно для здоровья. Однажды резко похолодало, в невских краях так бывает: температура на раз может опуститься на десяток градусов. Галя не внесла поправочный коэффициент в погодные особенности региона, разгорячённая выскочила после смены на улицу в лёгком платишке, несерьёзной косынке и, пока добиралась до дому, хотя идти всего-то минут двадцать, замёрзла до основания, как результат – застудила голову. Начали одолевать постоянные головные боли. Галя, конечно, ходила в поликлинику, но больше надеялась на народные средства, в частности, лечилась отваром из зелёных сосновых шишек.

В 1965 году, говоря языком официальных отчётов, дом,

являющийся героем нашего повествования, сдали в эксплуатацию, Галя получила на семью из пяти человек двухкомнатную квартиру.

Муж её, Вася, был герой, в полном соответствии со своей фамилией. Любимая его поговорка: «В огне не горим, в воде не тонем» – к нему имела непосредственное отношение. Воёвал Вася во флоте, самом что ни на есть военно-морском – Балтийском. Однажды в крейсер, на котором он героически сражался с фашистами, угодила торпеда, пущенная немецкой подводной лодкой, старший матрос Василий Сокол оказался в неласково холодных водах Балтийского моря. Но «в огне не горим, в воде не тонем» – на дно не пошёл, хотя пришлось поболтаться долгонько в студёных волнах, пока катер не подобрал.

Правой ноги лишился после того купания, в остальном полностью соответствовал своей фамилии, был настоящим соколом. На День Победы обязательно ходил на митинг, вернувшись в родной двор, выносил из дома старенькую гармошку и пел морские песни. Начинал обязательно с «Варяга»:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Голос у него был с хрипотцой и сильный. Заслышав боевую песню под своими окнами, к фронтовику подтягивался Славик-трубач. Он ненавязчиво подпевал своим баритональным басом, понимая, что солировать в данной песне должен моряк-балтиец. На подъёме пели мужчины заключительный куплет:

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага.

Лишь волны морские прославят в веках
Геройскую гибель «Варяга».

Здесь дядя Вася делал длинную паузу, произносил:

– Какие ребята погибли, нас из ста человек всего шестеро выжили.

На звуки гармошки выходили другие соседи из парадной, собирался импровизированный хор.

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.

«Товарищ, мы едем далёко,
Подальше от нашей земли».

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, –

Сказал кочегар кочегару, –

Огни в моих топках совсем не горят,

В котлах не сдержат мне уж пару.

Поди заяви ты, что я заболел
И вахту, не кончив, бросаю.
Весь потом истёк, от жары изнемог,
Работать нет сил – умираю».

Дядю Васю любили в доме за честность, справедливость. Была история, когда он, будучи уже на шестом десятке, защищая незнакомую девчонку, пошёл на двоих парней, один выхватил нож, балтийца этим не запугал, Вася раскидал хулиганов. Только и всего – плащ ему продырявили. Тому, кто с ножом кинулся на фронтовика, руку сломал.

Вася был рыбаком. По причине протеза огородам не занимался. Огороды Городка – особая тема, о ней расскажем ниже. Лишь отметим, что Вася предоставлял право копать, полоть и окучивать на своём участке многочисленным женщинам семьи. Сам больше любил рыбалку на карьерах. Километров в пяти от дома была ещё одна достопримечательность Городка – прекрасные пруды. Заброшенные песчаные карьеры заполнились водой, в ней завелась рыба, получилось отличное место для отдыха. Туда и ездил Вася на мотоцикле, который стоял в сарае с козами и свинками. Галя успевала ещё и скотинку держать и обихаживать. Иногда с друзьями Вася Сокол отправлялся на Ладогу. Зимой – ходил на подлёдный лов на Неву.

В День Победы как-то само собой организовывалось застолье у дверей парадной. Выносили снедь, вино. Пели, вы-

пивали, закусывали. Славик-трубач, подвыпив, обязательно говорил:

– Дядя Вася, ты же знаешь, я тебя сильно уважаю, если что сыграем тебе в лучшем виде, ты не беспокойся!

Вася Сокол говорил неизменное:

– На кладбище не тороплюсь, но ты мне Славик обещай «Варяга». Пусть «Варяг» не принят на похоронах, но ты уважь балтийца, сделай. На кладбище, пожалуй, что не надо, а то не так поймут зубоскалы, ведь там есть слова «наверху, товарищи, все по местам». На кладбище не надо, опять же перед ранее усопшими неудобно, а перед домом сыграйте. Объясни парням своим, что по просьбе дяди Васи. Наши люди поймут правильно, как же – балтийца хоронят!

Славик клялся «сделать “Варяга”» и, надо сказать, слово сдержал.

Раз уж повествование вынесло к этой теме, закроем её. Вася Сокол умер в 1997 году в августе. Перед этим приезжала старшая дочь Марина с детьми и мужем из Советской Гавани. Времена, кто постарше, помнит, не приведи Господь: бандитизм, безработица, скачки цен, дорогие авиабилеты. Семья дочери поднакопила денег и прилетела к родителям через всю страну. Месяца два гостили. Получилось так, что Галя проводила дочь с семьёй в Пулково, полетели они в Совгавань, а утром Вася умер.

Славик «Варяга» со своим оркестром исполнил над гробом матроса-балтийца, но старшая дочь и внуки не смогли

проводить отца и деда в последний путь.

На следующий год летом они решили покинуть пределы Дальнего Востока, продали в Совгавани квартиру, приехали в Городок, планируя здесь купить жильё, но славные «радетели» благополучия России и россиян устроили дефолт. Деньги от продажи квартиры в Совгавани разом обесценились, снова, как в далёкой молодости, в Галиной двушке (с проходной комнатой) поселилось пятеро человек. Теперь уже Галя была в роли тёщи.

Её дочь Марина была медсестрой. Стоит рассказать ещё об одном историческом эпизоде из жизни Гали Сокол, а значит, и парадной. Начать следует, пожалуй, с того, что у Гали, кроме «вторичной коммутации», хранилось в памяти ещё одно крылатое выражение – «спасибо, мать, за дочь». Употреблялось вовсе не в пафосных случаях. Но обо всём по порядку. Характеризуя дочерей Гали и Васи, следует сказать, что Марина забрала себе интеллект родителей, зато Валентине досталась красота. Галя не сказать, что красавица, махонькая, лицом простенькая, тогда как Вася был хорош. Можно представить этого молодца на довоенных улицах Ленинграда в форме моряка-балтийца. Одно слово – Сокол. Дочь Валентина тоже была соколом по внешнему виду. И характер соответствующий. Автор всё же погрешил против истины, интеллект имела выше среднего уровня. Окончила Ленинградский политехнический институт, в конструкторском бюро военно-морского профиля выросла до начальни-

ка крупного отдела. На подводном флоте не любят женщин на корабле, под любыми предлогами стараются не пускать их на палубу и во чрево субмарин. Но к Валентине Васильевне, когда приезжала в командировку на Северный или Тихоокеанский флот, всегда относились с большим уважением как к классному специалисту и не отказывали в пропуске на подлодку, если возникала надобность.

Марина уступала во внешности сестре, зато без малого отличница по всем предметам. Две или три четвёрки в аттестате. После школьного выпускного вечера смело подала документы в Первый медицинский, что в Ленинграде. Конкурс зашкаливал. И вот же незадача – не добрала каких-то полбалла до проходного. Обидно не то слово. Сдавала экзамены вместе с задушевной школьной подругой из «девятой» квартиры – Ниной Тютневой. О Тютневых непременно ниже скажем, тоже семья колоритная. Нина в школе хуже училась, а, поди ж ты, набрала проходной балл, в то время как Марина оказалась не у дел.

Обидно со страшной силой Марине, вдвойне горше Гале. Какие-то мизерные полбалла решают судьбу дочери в минусовую сторону. Галя подкатила к Васе:

– Сходи, – начала умолять супруга, – к ректору. Надень парадный костюм с орденами и медалями и похлопочи за доченьку нашу! Ты фронтовик, инвалид, ноги нет... Жизни не жалел в боях с фашистскими захватчиками...

Вася есть Вася – отказался наотрез идти на поклон. Про-

сто затопал и здоровой ногой, и протезом. Кремень мужик. Дескать, чтобы я – фронтовик, балтиец – стал унижаться?! Нет, нет и нет!

Галя собралась с духом и поехала к ректору сама. Что характерно, пробились на приём к главе Первого меда. То же, следует сказать, надо иметь характер, чтобы самолично встретиться с ректором крупнейшего престижнейшего учебного заведения страны. Эмоционально обрисовала ему обстановку в красках и деталях. Мол, Марина и Нина – подружки с самого садика. С горшкового возраста лелеяли одну на двоих мечту о бескорыстном служении советской медицине. Всю дорогу девчонки играли в больницу и докторов. Было бы так хорошо, чтобы не разлей вода подругам за одной вузовской партой познавать премудрости самой благородной профессии на земле.

Ректор внимательно выслушал горячий монолог Гали и, надо отдать должное, не отмахнулся от посетительницы, а затребовал у секретаря документы Марины и результаты экзаменов. Самолично убедился, что не хватает обидного до слёз полбалла.

В этом месте рассказа у Гали всегда затуманивались глаза, голос дрожал на словах:

– Он встал из-за стола, вышел ко мне, пожал руку и сказал: «Я вижу, ваша дочь – умница, она обязательно станет врачом. Спасибо, мать, за дочь!»

Но в институт не взял. Марина поступила в медучилище

и стала прекрасной медсестрой. А у Гали появилось выражение, которое она применяла, когда её тактично отфутболивали чиновники или кто-то кормил обещаниями. «Короче, – говорила с горькой иронией и самоиронией, – получилось “спасибо, мать, за дочь!”»

Галя прожила долгую жизнь, умерла в возрасте за восемьдесят. В последний год заговариваться начала, но умерла праведницей – тихо и безболезненно на руках у дочери Марины.

Сама Галя тоже пятую заповедь, которую принёс Моисей на скрижалях от Господа Вседержителя, исполнила сполна. Сначала за мамой, Васиной тётшей, ходила, потом за Васей, у него была онкология, года два последних уже не ходил бездолага. Протез он и для здорового человека не своя нога, что говорить о больном. А ещё Гале пришлось досматривать старшую сестру Полину. Её здоровье забрали в своё время торфоразработки. Сердце работало как часы, а вот слабые сосуды привели к инсульту, парализовало.

Был у Полины сын, но его жена и дочь наотрез отказались ходить за бабушкой-свекровью, поэтому забрала её к себе Галина. Сын что-то платил тёте за уход, но как ни крути, а получилось: нечеловеческие условия жизни были у матери, а нелюдьями стали дети.

Баба Яга Тютнева

Раз уж заговорили о проблеме отцов и детей, надо рассказать о Тютневых. Даша и Александр Тютневы жили в «девятой» квартире с двумя дочерьми. Даша была из рано старящихся женщин. Со спины смотрелась неплохо – миниатюрная, стройная, но лучше бы не поворачивалась в анфас. За глаза так и звали – Баба Яга. Пусть горба не было, зато нос крючком, взгляд недобрый. На язык Даша – горький перец: ничего не стоило, будучи не в настроении, любому и каждому бросить обидное слово. Прямолинейная, грубая, причём до откровенного хамства в отдельных случаях.

Работа способствовала развитию бабаягинского характера – ездила Даша кондуктором на рейсовом автобусе, который связывал Городок сначала с Ленинградом, потом с Петербургом. Маршрут пролегал вдоль Невы, со всеми остановками автобус достигал станции метро за полтора часа. Было время вступить Даше в полемику с пассажирами, а то и пособачиться. Спуску Даша никому не давала. Поэтому постоянные пассажиры знали – лучше с ней не связываться. Тот случай, когда ты слово, а в ответ столько, что уши вянут.

Да ладно бы только пассажирам грубила. Характер и дома смиренней не становился. Не ладила Даша с дочерьми, хотя девчонками росли не проблемными ни в учёбе, ни в поведении. При первой возможности из родного дома сбежали.

Нина, о которой говорилось выше, окончила Первый медицинский институт, стала терапевтом, вышла замуж за хирурга и уехала в Екатеринбург. Приезжала с Уральских гор в Городок всего единожды – на похороны отца, мать не хоронила. То ли не захотела, то ли что – не приезжала.

Вторая дочь Тютневых, Алла, окончила технический вуз – институт точной механики и оптики, стала инженером, толковым специалистом и организатором производства – доросла до директора завода, хоть и средних масштабов, но оборонного. Должность, соответствующий характер определили женскую судьбу, была одинокой. Где ж под такую самостоятельную женщину сильного мужика отыскать было? Но сына вырастила, дачу построила, машину лет тридцать водит. Иногда по выходным приезжает в родительскую квартиру. Не хочет продавать. «Как погонят с завода, – говорит любопытным соседям, – брошу Питер и буду жить здесь». Пока не гонят, Алла и на пенсии продолжает командовать заводом. Не могут, получается, лучше руководителя найти.

Характерная деталь – на обеих руках у Аллы укорочены все пальцы. Где фаланги не хватает, где – двух. В первый год после школы не поступила в институт, жить с родителями не захотела, пошла на завод в ученики-станочницы. Там и получила травму. Однако это не отвратило девчонку от механосборочного производства. Пожалуй, наоборот – добавило упрямства.

Возглавила завод в период горбачёвской перестройки и

в сложные девяностые не дала развалиться предприятию. Что было не так-то просто, когда у многих руководителей в Кремле и на местах вспыхнул лозунг в вороватой голове: это всё народное, это всё моё! Не зевай, ребята, пока демократы!

Отец у девчонок, Александр Тютнев, был характера золотого и внешности располагающей. Что в молодости, что в преклонные годы. Не стал мерзким характер от недугов, сварливой, вечно всем недовольной жены, от того, что дочери сторонились родного дома. Александр даже в преклонные годы оставался такого же доброго нрава. Как напиток виски, который с годами не умаляет своих достоинств, а только лучше делается.

Кстати, о виски, Александр не пил вообще. Одним словом – золотой мужик. Даша пила. И сильно. И эти совершенно разные люди без малого пятьдесят лет были вместе. Загадки нашей жизни.

Даша вдобавок ко всему курила, предпочитала папиросы, которые уважали блокадницы, – «Беломор». Что и сгубило. Не в смысле рака лёгких, сгорела в собственной кровати. Крепко выпивши завалилась в постель, захотелось покурить и уснула с папиросой. К счастью, пожар вовремя заметили бдительные соседи. Квартиру отстояли, Дашу спасти не удалось. Александр лет десять жил один. Не захотел больше видеть слабый пол в качестве супруги в своей квартире. Как говорится, сыт по горло.

Лида Яркова из «третьей» квартиры всё пыталась его при-

влечь к церкви, но он только отшучивался. Алла звала отца к себе в Питер, дескать, что ты тут как сыч один, квартира у неё позволяла, сын уже отделился. Александр не захотел, предпочитал ни от кого не зависеть. Иногда к нему заходил Славик-трубач с чекушкой. Взыграет у мужика аппетит, да дома разве выпьешь с комфортом? Пусть жена и не выльет в раковину, а всё одно в мужской компании слаще. Александр ставил на стол перед гостем нехитрую закуску, рюмку. Мужчины говорили за жизнь, Славик выпивал, Александр баловался чайком.

Славик, Груша и сентиментальная Отрада

Повествование наше подошло к Славику-трубачу. Жил он с матушкой на первом этаже в «первой» квартире, что выходила окнами во двор. Вся парадная звала его Славиком. При обширных габаритах нашего героя имя звучало насмешкой, но никто не смеялся, а он не обижался. Не следует думать, что Славик брал свой духовой инструмент в руки от похорон до похорон. Как настоящий музыкант он репетировал ежедневно. Стоит ли говорить, что об этом качестве знал весь дом. Славик работал на кирпичном заводе, вернувшись после смены, мыл руки и до ужина (на полный желудок какая игра) начинал музицировать. Часов в пять-шесть вечера раздавались первые, самые сильные звуки тубы, а затем Славик старательно выдувал разные басовые партии примерно час. В те дни, когда в Городке были похороны, он не репетировал, брал на заводе отгул и с тубой на плече в час дня выходил из дома, чтобы в два вместе со своим оркестром начать церемонию с Траурного марша Шопена.

Однажды пригласил оркестр на похороны своей матушки и стал жить один.

Туба звучала реже и реже в репетиционные часы, потом и вовсе затихла. Получилось так, что традиция прощания с усопшим под звуки траурной музыки у подъездов и на клад-

бище в XXI веке отошла. Духовой оркестр, используемый на скорбных мероприятиях, жители Городка записали в разряд анахронизмов. Кстати, не только Городка. Это распространилось повсеместно. Да ладно бы оркестры отменили. Похороны превратилось в поток. В ритуальном зале при морге близкие и родственники усопшего постоят отведённое регламентом время и скоренько на кладбище. Потом кафе, стол с кутьёй, блинами, водкой, и готово. Деловито смерть отодвинули на задворки. Быстрее-быстрее отвести мероприятие и дальше торопиться. Неудивительно, если вдруг спросит сосед по площадке:

– А где Виктор Петрович, давно не вижу?

В ответ родственник Виктора Петровича:

– И не увидишь, полгода как умер.

– Вот те раз, а я и не знал.

Откуда узнаешь, если он последнюю перед кладбищем ночь дома не ночевал, у подъезда не полежал в гробу. Не было возможности подойти, коснуться рукой края домовины, попрощаться с усопшим, с которым сколько разговоров переговорено за пятьдесят лет соседской жизни. Пусть задушевными друзьями не были, но дети вместе росли, а вы старились параллельно. Обеднел двор ещё на одну душу, а ты и не узнал вовремя, не сказал последнее «прости-прощай», оно ведь не только усопшему надо, тебе тоже.

После смерти матушки Славик через какое-то время исчез. Говорили, уехал в Псковскую область, там от матери

остался дом в деревне. Вернулся через полгода и не один. С женой и лошадыю. Дело было в двадцатых числах декабря. Вдруг во двор с дальнего его края въехали сани-розвальни, в их оглобли была впряжена гнедая кобыла.

Рядом с ней с вожжами в руках шествовал Славик в сопровождении мощной ширококостной, широкоскулой женщины. И все трое – лошадь, женщина и Славик – были большие и прекрасные. Они шагали через двор в чинном спокойствии, отрешённые от городской суеты, будто шли по лесной дороге. Лошадь остановилась возле парадной и тут же была окружена ребятиной. Посыпались вопросы: «как её звать?», «а можно погладить?». Лошадь звали Отрада, а женщину – Груша.

Вдруг какой-то пострел выкрикнул:

– Покататься можно?

Груша благосклонно кивнула:

– Залезайте.

Сани мгновенно заполнились детворой и заскользили со двора на окраину Городка. Ласково погоняемая Грушей Отрада легко везла сани мимо дачных участков, огородов. Недавно выпавший свежий снег празднично блестел на солнце, морозец рисовал румянец на мордашках счастливой детворы. Щенячьим восторгом оглашали малыши округу. Это вам не на пони в парке кататься, настоящая рабочая лошадь. Отрада везла сани неспешной рысью, ей тоже пришлось по нраву праздничная прогулка. Ничего подобного в её лоша-

диной жизни не случилось. На пути следования городской пейзаж, а в качестве поклажи визжащая от счастья детвора. Отрада совершила большой круг до Невы и вернулась во двор, где был поставлен восклицательный знак путешествию, Груша вынесла хлеб и морковь, отдала детям со словами:

– Поблагодарите лошадь.

Отрада косила глазом на морковь и хлеб, мягко брала большими губами угощение из рук малышей, с одобрением покачивала головой.

Всю зиму Груша устраивала подобные праздники. В будни редко, а по выходным – в субботу и воскресенье – обязательно. Детишки заранее выходили на улицу с карманами, полными морковки, хлеба, печенья.

Под конюшню Славик отвёл сарай, кои имелись практически у каждого жителя Городка. Все держали огороды, сажали картошку, сараи были жизненной необходимостью. Не всегда Отрада ночевала в сарае. В стену дома под своим окном Славик вбил здоровенный крюк. Бывало, перед выходными привязывал на ночь лошадь к нему.

Даша Тютнева из «девятой», стоя с неизменной белокурой на своём балконе, могла, если была в хорошем, не бабьягинском настроении, крикнуть:

– Славик, твоя животиночка дом не утянет? Хорошо, если в Питер свезёт, а вдруг – в болото. Просыпаемся, и здрасьте вам – лягушки вокруг квакают!

Славик улыбался:

– Дурных нет, она знает, что сено её тут-ка, на стороне кто чего даст.

Дом стоял практически на окраине Городка, на удобном для прогулок на санях или телеге месте. За домом начиналась грунтовая дорога, которая шла вдоль огородов, огибала их по широкой дуге, затем выходила к Неве. Зимой Груша могла по льду через Неву повезти детишек в ближайшую деревню, показать сельские пейзажи.

Весной Груша вспахала большой огород, Славику не доверила ответственное дело (хотя пахать он умел, как показало время) и посадила картошку, большой клин соток на двадцать пять засадила. Когда картошка зелено закудрявилась, полола не тяпкой, а конной бороной прошла по участку, и окучивала не вручную, использовала деревянную соху, которую тащила Отрада. Ряды получились, как по ниточке ровные и ладные.

Женщины нашей парадной были кто больше, кто меньше, но всё же нервные, вспыльчивые, издёрганные жизнью, от Груши исходило спокойствие, основательность, будто на Псковщине в своей деревне узнала какую-то истину, неизвестную городским. Передала её Славику, он стал степеннее, нельзя было не залюбоваться картиной, когда во дворе стояли рядом Отрада, Славик и Груша.

Заготавливая сено, они косили траву на лугах, обкашивая каждый участок. Кстати, были у них конкуренты на покосах.

К примеру, Галя Сокол держала козу, а также свинью и курей. Свиньи в хозяйстве были не редкостью для жителей Городка в советское время, отдельные героические личности даже коров ухитрялись держать. Умел народ приспособиваться, ничего не скажешь.

Вася Сокол, который огородом не занимался, в выкармливании хрюшек принимал самое непосредственное участие, относился к этому не как к досадной обязанности, ходил в сарайку с удовольствием, но резать свиней не мог, жалел, всякий раз призывал более смелых мужчин.

Славик овдовел осенью. Выкопали картошку, убрали в погреб, что в сарайке Славик оборудовал, а перед самым Покровом Груша умерла от сердечного приступа. Похоронили на Покров. С духовым оркестром, Славик пригласил своих друзей, но сам не играл на тех похоронах.

Лошадь Славик оставил. Пахал огород себе и соседям. Но массовые катания детей ушли вместе с Грушей в историю парадной. У Славика душа к этому не лежала. Во двор Отраду больше не приводил. И этой радости лишил детвору. Потом женился и лошадь куда-то девал. И только крюк в стене дома напоминал о том коротком периоде, когда парадная могла похвастаться «своей» лошастью.

Женщины говорили о второй жене Славика:

– Она его к Отраде приревновала.

– Конечно, Отрада в сто раз симпатичнее этой кикиморы.

Вторая жена во всём проигрывала Груше. Невыразитель-

ная, неприветливая. Для жительниц парадной было загадкой: как одному и тому же мужчине могут нравиться совершенно разные женщины? Тем паче знали Славика, как мужчину, которому во вкусе нельзя было отказать. Одевался с иголки, небритым из дома не выходил, вовремя постригался.

Автор едва не забыл ещё об одной романтической истории, связанной с Отрадой.

Женщины парадной на Рождество Христово (это было ещё при жизни Груши) собрались в «четвёртой» квартире у Дуси Саморезовой. Дуся пригласила отметить праздник и помянуть непутёвого своего Гену. Гена умер за пять лет до этого в рождественскую ночь. Сидели женщины за накрытым столом, пили чай с пирогами, попивали наливочку. Додониha подливала наливку в чай:

– Ох, бабоньки, пристрастилась я в последние годы к пуншику, так хорошо кровь разгоняет.

Отрада была привязана к дому, с полчаса назад из саней высыпала счастливая компания накатавшейся детворы. Общая любимица, полакомившись печеньками и морковкой, одиноко стояла, думая о чём-то своём.

Додониha, сидевшая у окна, увидела задумчивую Отраду и озорно встрепенулась:

– А не покататься ли нам, бабоньки?

Само собой вырвалось это предложение. И все поддержали.

– Страшно вспомнить, когда я в санях в последний раз ездила, – сказала Галя Сокол. – Разве что в девчонках, до войны ещё!

Все они были деревенского завода, все с раннего детства знали лошадей...

Недолго думая, Дуся Саморезова упорхнула за порог. Свято почитая принцип: «воля гостей – закон», Дуся поступалась к Славику-трубачу взять на прокат Отраду.

Всё было решено в одну минуту, женщины побежали по своим квартирам одеваться для праздничного катания.

Правила Отрадой Додониha. Она так сноровисто взяла в руки вожжи, так ладно легли они в меховые рукавицы, так лихо свистнула, будто всю жизнь только тем и занималась, что промышляла ямщиной.

Отрада поняла: не дилетант в кучерах и с места пошла рысью. Сани вынесло на Неву. Низкое небо и куда ни глянь поля чистого снега... Отрада шла ходко, красиво переставляя ноги. Лица наших женщин горячила скорость и встречный ветер...

– Ух, прокатила нас Додониha, – и через несколько лет вспоминали ту поездку женщины. – Прямо летели по Неве, ветер в ушах свистел!

И Отрада постаралась!

Ленка-шалава

В хорошем доме хозяин всегда во главе стола, на трапезе ему первый кусок хлеба, на семейном совете за ним последнее слово. И всё же пребывающая в его тени хозяйка не менее главный человек – она душа дома, его сердце. При плохом хозяине дом не дом, при никудышной хозяйке и вовсе добра не жди.

В нашей парадной хороших хозяек было несколько, натуры сильные, самостоятельные, сие обстоятельство не вызывало досадных столкновений характеров – женщины славно уживались между собой.

Спокон веку жилконтора завела порядок: за чистотой парадной следят сами жильцы. Хотите жить в грязи – пожалуйста, нет – берите тряпки в руки. Никто и не думал «права качать», дайте нам техничку-профессионала. Относились к данному обстоятельству как к явлению само собой разумеющемуся. В грязи хозяйки парадной жить не хотели, поэтому по очереди со всей ответственностью мыли полы.

В советское время отмечались советские красные дни календаря, кроме них, обязательно Пасха, Рождество, Троица. На Троицу все шли на кладбище. На Пасху соседи обменивались крашеными яйцами. Особо почитался День Победы. Это и понятно, все взрослые знали войну не по фильмам: одни с оружием в руках на фронте, другие испытали горечь

блокады и оккупации.

Женщины без того поддерживали чистоту, что уж говорить о торжественных случаях. На каждом этаже имелась наиболее активная, которая следила за очередностью мытья. На четвёртом роль организатора исполняла Валя Дубок из «четырнадцатой» квартиры, проживающая с мужем-инвалидом Веней (ходил, переставляя ноги, как цапля, сказывались последствия полиомиелита, которым переболел в детстве).

За стенкой у Вали, в «тринадцатой» квартире, жила да и сейчас живёт, прямо скажем, реликвия парадной – удивительная Калерия Ивановна. Уже сам факт, что ей за девяносто, кое о чём говорит. Хотя долголетие женщин – эта особенность Городка. Имеется следующее объяснение данному феномену. Оно не подтверждено научными изысканиями и опирается на наблюдения пытливых старожилов. Секрет кроется в элементарной картошке. В той самой, которую Городок поедал всю жизнь мешками.

Лишь с началом нулевых годов XXI века картофель, ставший в России вторым хлебом, начал утрачивать первостепенное значение в рационе жителей Городка. Обширные площади огородов зарастали дурниной, сначала травой, потом и деревья набрали силу на бесхозных участках. Земля-кормилица перестала быть таковой. Тогда как в прежнее время считалось засадить десять соток картошкой на семью из четырёх-пяти человек – мало. Лучше для подстраховки – пятнадцать. Такие масштабы и аппетиты. Картошка – это

калий. Для сердечной мышцы да и функционирования всего организма необходимый микроэлемент. Поэтому жили женщины парадной долго, никто не умирал от сердечной недостаточности. Тогда как инсульт был частой причиной упокоения. Опять же, в преклонном возрасте.

В картофельные годы не диво было увидеть восьмидесятилетнюю старушку с тяпкой на своём наделе. С мужской статистикой сложнее, на продолжительность жизни сильного пола влияли раны войны, пристрастие к бутылочке, от этих напастей картошка не спасала, умирали рано.

Калерия Ивановна, с которой начали разговор о влиянии картофеля на организм жителей Городка, тоже перевалила за девяносто. Количество мужей, коих она пережила, с ходу не сосчитаешь. Стоило отойти в мир иной одному, Калерия Ивановна находила другого. Никогда не оставалась одна. Дамой всю жизнь слыла независимой, работала в советское время на уважаемой должности – товаровед в горторге.

Последний раз похоронила мужа в восемьдесят с хвостиком. После этого, как водится, появился новый. Однако он оказался из крепких, живёт и живёт. Калерии Ивановне, возможно, из-за давней привычки к разнообразию, время от времени надоедает его соседство, решительно выпроваживает деда за порог. Ненадолго, проходит месяц-другой, и снова сходятся. Два первых раза после «развода» дед уходил с вещами – забирал свой холодильник, двухтумбовый письменный стол (писал мемуары) и многочисленные пачки книг,

связанных кусками бельевой верёвки. Всё это громко выносились, вывозилось (дед в прошлом полковником, и внук пошёл по его стопам – капитан артиллерии), топали по лестнице сапогами солдаты-грузчики, снося скарб «разведённого» к высокой военной бортовой машине. Дед вовремя сообразил – зачем нужна эта суета с вывозом вещей, всё одно обратно приезжать. Выставленный за дверь Калерией Ивановной, он преспокойненько налегке уезжал восвояси «на каникулы», затем снова появлялся.

– Позвала? – спросит деда при встрече Валя Дубок из «четырнадцатой».

– Куда на фиг денется? – тихонько (дабы не услышала возлюбленная) хихикнет военный дед.

Вернёмся к мытью полов в парадной. Перед праздниками оно совершалось в обязательном порядке. Праздник он и есть праздник, каждая половица хочет быть чистой. Накануне вечером Валя Дубок выходила с ведром воды и шваброй-лентяйкой, мыла свою лестничную площадку и лестницу до третьего этажа, где её поджидала Додониха (напомним, из «двенадцатой»), та принимала эстафету и добросовестно мыла лестницу до второго этажа. На втором мыла Галя Сокол, причём частенько прихватывала первый этаж, если никто не подхватывал у неё эстафету. Галя не считала за труд лишние метры вымыть самой.

Не все так думали. Вале Дубок ох как не нравились манкирующие полемойство. В своё время вела упорную работу со

Светланой-прокуроршей, та стойко игнорировала все графические помывки. Валя поставила себе цель – приучить Светлану мыть лестницу. При встрече обязательно напоминала об этой обязанности, о договорённости соседей. Светлана легкомысленно говорила «да-да, обязательно» и тут же забывала, до тряпок ли ей было с такой бурной жизнью. К Ариадне Арнольдовне Валя не вязалась, и вовсе не оттого, что побаивалась, нет – за хозяйку квартиры не держала, квартира была в собственности Светланы. Короче, в один прекрасный день Валя не выдержала и поколотила Светлану шваброй-лентяйкой. Во всяком случае, говорила:

– Я ей вдоль спины-то протянула хорошо раз да другой, она как сиганёт по лестнице.

При живом муже-прокуроре Валя не решилась бы пускать швабру в ход, после его смерти «вдоль спины протянула». Никаких последствий урок шваброй не возымел – ни для Светланы, ни для чистоты парадной. Светлана как не считала нужным мыть свою часть лестницы, так и дальше продолжала не считать. Как говорится, руки не под тряпку заточены у юриста-бизнесмена.

Кроме этого Валя постоянно ворчала на Ленку Пугачёву, здоровую девку из «пятой» квартиры. За «пятую» выходила с тряпкой баба Зина.

– Ладно, мать у тебя всю жизнь на работе, тащит вас, – выговаривала Валя Ленке, – но ты-то, кобыла такая, могла бы уж потратить десять минут на пол! Бабка за неё моет! Не

стыдно? Что из тебя может вырасти?

Из Ленки «выросло».

Если обратиться к истории дома, первыми из рода Пугачёвых в нашей парадной появились Ленкины дед Степан и баба Зина. Ленки ещё и в помине не было, зато имелась её будущая мама Соня. Она в своё время вышла замуж и в своё время родила Лёшку, а следом Ленку. При вступлении в брак Соня менять девичью фамилию (была Пугачёвой) на мужнину Кретинин не стала.

– Будут детей крестинами звать! – заявила решительно.

О Ленке нельзя сказать впроброс, она владелица трёх квартир нашей парадной, плюс квартира деда с бабкой, которая тоже со временем отойдёт в её собственность. Славик-трубач смеётся:

– Лен, ты скоро нас всех скупишь с потрохами!

– Тебя оставлю, – говорит Ленка, – не беспохлёбся. Жаль, лошадь продал, так бы катал с бубенцами.

Вынесла Ленка из детства Отраду и катание на санях.

– Туба осталась, – говорит в тон соседке Славик. – Если что, я тебе по благу сыграю Шопена в сольном исполнении.

– Типун тебе на язык, – ругается в ответ Ленка, была она суеверной.

Пугачёвы долго жили полноценной семьёй в «пятой» квартире – баба Зина, дед Степан, Соня с мужем Вовой, Ленка да Лёша. Сразу же приплюсуем к этому составу Петровну из соседней парадной – верного друга и помощника Пугачё-

вых. Петровна – одинокая шустрая бабулька, ровесница бабы Зины. Не корысти ради, а по доброте душевной частенько водилась она с Лёшей и Ленкой в период их нежного возраста. Особенно Ленку любила, да и по сей день любит незнамо за что. Со стороны если глядеть, безответная любовь. Ленка не отвечает взаимностью.

Пугачёвы долгие годы отличались тем, что кто-нибудь из них обязательно находился во дворе. Не считая папу-Володю. Тот вёл образ жизни выпивающего человека. В молодости и несколько позже был смерть женщинам – атлетически сложенный, артистически красивый, такие типажи в театрах играют героев-любовников. Играл ли папа-Володя по жизни эти роли, изустные летописи двора умалчивают. Про то, что много лет крепко выпивал, об этом любой и каждый во дворе скажет. Стакан мимо рта не проносил и не проносит. Беда, конечно. Да из песни слов не выкинешь. Пугачёвы с утра и до позднего вечера пропадали во дворе: или с детьми (потом с внуками) гуляли, или бельё караулили, вдруг дождь. Молодому поколению расскажем, старшему напомним: сушили бельё в прежние годы во дворах. В каждом имелся уголок со специальными столбами с перекладинами, за которые цепляли верёвки.

Ленка выросла в долговязую и худущую девушку, ещё и сутулилась, не досталась ей породистая красота отца, больше взяла от беспородной матери. Однако в этой сутулости и угловатости таилась мощная женская сила, которую опытный

мужчина чувствует на расстоянии, а неопытный слепо летит на неё, как глупенький мотылёк, и попадает в сети с первого раза. Такого Мишу-мотылька Ленка зацепила в восьмом классе.

Думала ли тогда Ленка связать будущее с Мишей-мотыльком? Скорее всего, нет. Автор более чем уверен, она вообще ни о чём тогда не думала. Хотя Миша-мотылёк был из хорошо обеспеченной семьи – отец владел строительной фирмой. Зацепила Ленка Мишу крепко. Есть мнение доморощенных психологов, немало мужчин по глубинной сути своей однолюбыв в отношении первой любви. Она крепче суперклея и суперцемента – схватывает намертво и держит вечно. Он может загулять, пойти по чужим огородам, а всё одно, где бы ни носило, – ноги сами обратно приведут. С Мишей-мотыльком получилось согласно этой теории. Он и по чужим огородам ничего не искал. Не отдерёшь, так пригвоздила к себе Ленка.

Поступили оба в вузы. Миша на юриста подался, Ленка куда попроще – в строительный. Попроще – это имелось в виду небольшой конкурс, платить не надо. Зато потом пахать и пахать на ниве учёбы. Ленка через пару месяцев раскусила это самое «потом» с пахотой и решила «на кой оно мне сдалось?». Родителей посвящать не стала в своё «на кой», продолжала добросовестно каждое утро уходить из дома, якобы в институт на лекции. Сама в соседний подъезд к Петровне шасть и сидит, пока не закончатся занятия в институте. И с честными глазами возвращалась домой. Да с таким усталым

видом, дескать, меня не кантовать, все силы занятия высосали. Какое тут мытьё полов в парадной?

Ленку отчислили из института, отдали документы, но она продолжала часов по шесть-восемь безвылазно высиживать у Петровны. Заключила шпионский договор с любящей её без ума бабулей. Пользовалась её преданностью по полной. Что могла делать молодая, полная сил и энергии девушка столько времени в четырёх стенах однокомнатной квартиры?

А ничего. Книг Ленка по жизни не читала, газет – тоже. Или телевизор смотрела, а больше спала. Петровна молчала, как партизан. Редкостная выдержка, никому ни слова, даже подруге Зине Пугачёвой не проговорилась.

«Учёба в институте» продолжалось до поздней весны, пока Миша-мотылёк, зацементированный первым любовным чувством, не сделал предложение объекту обожания.

Получилось в итоге, что симпатичный, умный, хозяйственный, энергичный и весёлый парень женится на ленивой, нелюбопытной, дремучей девице без образования и ничего не умеющей по жизни, даже готовить. Здесь-то вся партизанщина с Ленкиной учёбой на инженера-строителя раскрылась, однако Петровну никто на радостях, что Ленке так свезло с мужем, не заклеил предательницей и потакательницей беспробудной Ленкиной лени. Родители Миши-мотылька предложили поучиться невестке за их счёт в любом университете или институте, но Ленка отрицательно замотала головой. И чтобы никогда не возвращаться к этому во-

просу, скоренько родила мальчика, а следом ещё одного для верности. Мол, выбросите себе из ваших светлых головушек идею с дипломом о высшем образовании невестки.

Ленка не утруждала себя сыновьями. А зачем, если имеется в наличии у мальчишек бабушка, прабабушка, плюс верная Петровна. Жили молодые в Городке у родителей мужа. Каждое утро Ленка приводила парнишек в родную парадную. С ними возились до самого вечера Зина да Соня Пугачёвы и, конечно же, Петровна. Как без неё. Вечером или Ленка забирала детей, а чаще мужа посылала.

Сама сидела весь день дома. Бездельничать умела мастерски.

Однажды молодые провели эксперимент – попробовали жить отдельно от родителей Миши-мотылька. Но всё по порядку. Во «второй» квартире нашей парадной жили Иван и Наташа Борейко. Бог им детей не дал. Хорошие отзывчивые и сердечные люди. Тот случай, когда всем чем могут непременно помогут, кто бы ни обратился. Друг за друга всю жизнь держались, рядом и состарились. Наташа умерла первой. Иван остался один. Тут-то к нему и повадилась шастать Зина Пугачёва.

Именно шастать. Тайком под прикрытием ночи. Степана своего давно похоронила под музыку Славика-трубача, казалось бы, свободная старушка, что тут такого. Однако бежала только в «ночную смену» и втихаря. Первым застукал эти шуры-муры Витя-мент. Ночью таксовал, ну и, проезжая

мимо дома, заскочил кофе попить. Глядь, а Зина нырнула в дверь к Ивану.

Любительница джаз-клубных вечеринок Агния Львовна из «одинадцатой» тоже засекала эти тайные хождения. Вернулась за полночь из Питера, вошла в парадную, а из двери Ивана брызнула вверх по лестнице Пугачёва-старшая. Агния Львовна ещё подумала: «Во, бабуля, ей под восемьдесят, она днём правнуков понянчить успеает, а ночью романы крутит со вдовцом».

Позже выяснилось, про романские чувства слишком хорошо подумала Агния Львовна, – имелся элементарный практический интерес, обихаживала Зина соседа-старичка не из сердечного интереса, а из практического – за квартиру. Убиралась у него, готовила, стирала и добила своё – подписал дарственную на Ленку.

Вскорости Славик-трубач сыграл на его похоронах траурную музыку. Квартира отошла Ленке, которая не то, что разу полы в ней не помыла, не зашла к Ивану с ласковым словом, спасибо не сказала благодетелю. Всё баба Зина сделала за любимую внучку.

Миша-мотылёк отремонтировал эту за здорово живёшь доставшуюся Ленке квартиру, молодые вселились в неё, прожили месяца четыре да и перебрались обратно к родителям мужа. Не по нраву пришлась Ленке самостоятельная жизнь. Тяжело и надсадно. Это при том, что Зина и Петровна ходили ежедневно к Ленке готовить да убирать.

Съехали молодые, а квартиру сдали в аренду.

Вскоре Ленка прибрала к рукам «седьмую» квартиру, в которой едва не полвека жили Банниковы, через стенку с Васей и Галей Сокол.

Надежда и Пётр Банниковы оба из фронтовиков. Пётр воевал в особом отделе дивизии. Никогда не говорил, какой армии принадлежала дивизия – был особистом до мозга костей. Надежда воевала медсестрой во фронтовом госпитале. После войны оба волей судеб оказались в Городке и продолжали трудиться по своим специальностям, не зная друг друга. Вместо особого отдела дивизии был особый отдел оборонного предприятия, вместо госпиталя – районная больница Городка.

Городок война никак обойти не могла – лежал он в руинах. В этом интерьере познакомились наши герои. Случай был не из тех розово-романтичных, когда мужчина пригласил на танец понравившуюся женщину и под лёгкую летящую музыку вдруг проскочила искра между сердцами вальсирующих, дрогнуло сердце кавалера и часто-часто забилось у партнёрши. Ничего подобного. Надежду отправили по служебным медицинским делам на режимный объект, режимом которого заведовал Пётр. Приходит наша фронтовичка рано утром на проходную, а её не пускают. Какой-то грамотей фамилию медика в списке пропускаемых на предприятие с ошибкой записал, не сходится на одну букву с паспортными данными. Вахтёр встал стеной – вам не положено. Надежда

начала скандалить и требовать, чтобы её во что бы то ни стало пропустили – работа ждёт, а они здоровые мужики в шпионов играют.

Дело приняло более чем серьёзный оборот, неизвестная гражданка неудержимо рвётся на военный объект. Может, на самом деле – шпион. Вызвали начальника особого отдела. Пётр начал призывать женщину к социалистической дисциплине и порядку. Приводил цитаты из трудов основоположников марксизма-ленинизма об усилении бдительности в связи с капиталистическим окружением социалистического государства. Имел неосторожность обронить:

– Может, вы диверсант!

Ух, Надежда взвилась! Ух, вылепила, что с декабря 1941-го, с боёв под Москвой на фронте. Семнадцатилетней девчонкой, накинув себе год, пошла защищать Родину. Три боевых ордена, четыре медали, сотни спасённых раненых.

Для убедительности рванула ворот кофточка и показала шрам от осколка, ударившего над белой девичьей грудью. Медик есть медик, не постеснялась чуток заголиться перед незнакомцем.

Особист стушевался до полной неспособности к дальнейшему разговору, тем более – действию. На завод не пустил, но и санкций никаких не применил к нарушительнице, с миром отпустил фронтовичку.

Надежда победно развернулась и пошла в свою больницу. В тот же день, поздно вечером, возвращается к себе в

общезитие, вдруг слышит: быстрые шаги за спиной. Кто-то вознамерился догонять её. Осень, небо затянуто тучами, темно, хоть глаз коли, фонарей, конечно, никаких, место пустынное. В кармане пальто у женщины был трофейный вальтер. Выхватила его, резко повернулась навстречу приближающимся шагам, сухо бросила в сторону обозначившегося в темноте силуэта:

– Стоять! Ещё шаг и стреляю!

Догоняющий остановился, из темноты раздался знакомый голос:

– Не бойтесь, это я, начальник особого отдела завода.

– Бояться надо вам! У меня вальтер, пользоваться им приходилось не один раз!

Надежда собралась ещё раз отбрызнуть особиста, да тот другим тоном, идя рядом, начал разговаривать с женщиной. Вполне по-светски, как это бывает при знакомстве мужчины и женщины, стал спрашивать, где воевала, откуда родом. Умел он задавать вопросы. Детей своих, бывало, до белого каления доводил: «Куда идёшь? С кем? Зачем? Когда вернёшься?» Одно слово – службист. Надежду смутить было невозможно. Она и сама могла забросать вопросами любого и каждого.

По пути в общезитие рассказывала о себе, посмеиваясь, посчитала, особист подкатил издалека, дабы продолжить свой допрос. Оказалось – всё серьёзнее. Вечером следующего дня Надежда выходит из больницы, а Пётр у крыль-

ца курит.

– Протокол будем вести? – не без ехидства спросила Надежда, когда Пётр задал первый свой вопрос.

– Не, опять без протокола, – не смутился особист.

Несколько таких встреч и гуляний «без протокола» закончились тем, что ухажёр признался: в жизни подобных женщин не встречал, предположить не мог, что такие могут быть. И очень ему хочется рядом с сильной и бесстрашной Надеждой пройти семейный путь, детей воспитать и состариться вместе. Всю жизненную программу изложил в двух фразах. Надежда не стала долго раздумывать, тут же согласилась с предложенной программой и отдала своё сердце Петру.

Всё получилось, как договорились они в далёком послевоенном сорок шестом. Состарились вместе, успев родить и вырастить двоих сыновей и троих внуков. Умерли друг за другом. Сначала Пётр, а через несколько месяцев – Надежда. Похоронив мужа, Надежда осталась одна в квартире, сыновья давно отделились. Однажды утром не вышла, как обычно, на лавочку у парадной. Галя Сокол забила тревогу: звала старшего сына надежды. Квартиру открыли и нашли хозяйку в собственной кровати без признаков жизни. Лежала, когда-то бравая фронтовичка-медичка, как спала: на чистой простыни, под одеялом, в опрятной ночной рубашке. Сухонькая и маленькая, а губы в улыбке. Что ей приснилось с последним вздохом? Может, Пётр явился во сне, верный и

любимый особист...

После похорон Ленка подъехала к сыновьям Надежды и Петра, дескать, как вступите в наследство, я готова купить квартиру родителей.

Так и получилось в итоге.

А вскоре умерла Галя Сокол, что жила через стенку. Лена и эту квартиру прибрала к рукам. Купила у Галиной дочери Марины, той самой, за которую благодарил ректор Галю: «Спасибо, мать, за дочь!». Марина решила перебраться в новый микрорайон Городка.

Ленка посчитала, что в случае надобности можно из двух квартир одну сделать. А пока квартиры сдавала. Голова у неё, не отягощённая высшим образованием, мыслила очень даже трезво в направлении материальной выгоды. Пусть родители мужа обеспеченные люди, муж хорошие деньги зарабатывает, но своего Ленка упустить не могла. Вот тебе и лентяйка, вот тебе и неуч. Как тут не скажешь: другие времена, другие нравы, другие песни и другие звёзды взошли в нашей парадной.

Лида Яркова и Боголюбская

Продолжает наш дом свой путь во времени. Вася Сокол называл дом на Гоголя, 15 кораблём. Возвращаясь «на базу» подшофе, мог спросить сидящих у парадной:

– Ну что, балтийцы, идём полным курсом? Пробоин нет? В трюмах сухо? Бунта на корабле не предвидится? Тогда свистать всех наверх не будем, лично я следую курсом в свою каюту.

Умер Вася, упокоилась его Галя. Многие пополнили помянник Лиды Ярковой из «третьей» квартиры. Она аккуратно записывает в него почивших «матросов». Заказывая в родительские дни панихиду по своим самым близким, Лида всякий раз сожалеет, что по финансовым соображениям не может всех бывших соседей вписать. Но, когда батюшка начинает громко перечислять рабов Божиих, Лида раскрывает свой помянник и читает про себя внесённые в него имена. И проплывают перед внутренним взором Галя и Вася Сокол, Дуся Саморезова и её когда-то крепко выпивающий муж Гена, первая жена Славика-трубача Груша, медичка Надежда и особист Пётр Банниковы, Даша Тютнева, бабаягинского нрава, и её золотого характера муж Александр, другие соседи, переселившиеся из нашего дома на кладбище...

Лида Яркова – старожил парадной. Вселилась в дом в числе первых в 1965 году. Работала воспитателем в детском са-

дике. Была, как узнали соседи позже, человеком верующим. В советское время крестик носила, но не на шее, в лифчик зашивала. В трудные жизненные периоды отправлялась на Смоленское кладбище к святой блаженной Ксении Петербургской – помолиться, поплакать, записки «Ксенюшке» оставить. Лишь выйдя на пенсию, стала ездить в храм, не таясь.

Родом была из Ульяновской области. Воцерковление началось на русской печке. Отец на фронте, мать в колхозе или на рытье окопов, в первые месяцы войны гоняли женщин строить линию обороны или на лесозаготовках. Дети оставались дома с ветхим дедушкой Игнатом. Он малышам сказки рассказывал, жития святых читал, учил молитвам «Отче наш», «Богородица», «Царю Небесный», «Живый в помощи Вышняго».

И ещё обещал после войны сводить в церковь в районное село на празднование чудотворной иконы Божьей Матери «Боголюбивая». Обещание не выполнил по причине смерти – не дожил до Победы. Однако Лида в паломничество к иконе ходила. Любила рассказывать о нём соседкам по парадной. Кто-то слушал с недоверием, кто-то с удивлением, впервые узнавая о мире ангелов и демонов.

– Тётка меня с двоюродной сестрой Ниной, нам лет по десять было, взяла с собой, – рассказывала Лида. – Сорок километров идти. Тётка чуть рассвело, растолкала: айда. Первые пять километров на бортовой машине ехали, рабо-

чих в лес на деляну везли и нас подбросили. Я из деревни сроду никуда не выезжала, тут целый мир передо мной. Едем по лесу, а на полянке два журавля стоят – длинноногие, важные. До того красивые... По сей день та картина перед глазами...

Память образа Божьей Матери «Боголюбивая» первого июля. Лето в самой поре – благодать. На праздник вся округа сходилась. Тридцать с лишком лет советской власти миновало, а всё одно народ знал икону, чтит её. С соседних и дальних сёл шёл и ехал честной люд. Больных везли на телегах. Даже из Ульяновска и Чебоксар приезжали паломники.

В храм все не вмещались. Икону выносили из церкви на специальных носилках, ставили в церковном дворе, дабы дать возможность всем паломникам приложиться к святыне, благоговейно пройти под образом, сгибаясь до земли.

На всю жизнь запомнила девочка Лида, как женщина мучилась, стараясь поднырнуть под икону. Ни пройти, ни перекреститься на образ не получалось. Поднимет руку крест на себя наложить, да будто невидимыми вожжами кто-то захлестнёт руку и держит в воздухе. Силится бедняжка коснуться пальцами лба, а рука будто вмёрзла в воздух. Пот по лицу... Взмолилась:

– Зачем я туда ходила? Зачем это делала? Прости, Матушка Богородица!

В толпе сказали: к ворожеям ходила – рогатый и взял власть над ней...

Ещё одна женщина в пляс пустилась с частушкой. Икону из церкви вынесли и сначала на паперть поставили. Лида с сестрой на поленницу дров забрались – сверху хорошо видно.

Прямо у поленницы женщина стояла, яркая косынка на голове, платье лёгкое, рукава фонариками. Вынесли икону, женщина как давай креститься да частить поклонами. Крестится, как обмахивается, а кланяется, будто нырки делает. Соседей одёргивает: не мешайте молиться, плохо видно из-за вас. И вся-то какая-то не такая – на нервном взводе, будто закипает у неё что-то внутри, того гляди – выплеснется. Народ расступился. А когда икону понесли с паперти по ступенькам, сорвало женщину навстречу святыне с частушкой:

Раздайся, народ,
Меня пляска берёт!
Маленькие чертятки,
Хватают за пятки!

И точно, будто пятки защекотало, бьёт каблуками, как заведённая, щекотку в землю вколачивает... В один момент двое мужчин подхватили её под руки, увели.

В толпе сказали: это братья, которые её к чудотворной иконе привезли.

Лида с сестрой Ниной всюду попевали. Перед выносом иконы девчонки стали свидетелями – батюшка бесноватую

отчитывал. Накрыл епитрахилью... В памяти у Лиды осталось: батюшка богатырски большой, плечи могучие, рыжая борода на всю грудь. Накрыл женщину епитрахилью, читает над ней молитву. Вдруг из-под епитрахили грубый мужской голос. Лида к сестре прижалась. Страшно, хоть и народу кругом полно. Женщина заговорила жутким, как из бочки, голосом. Сначала он насмеялся: «Зря стараешься, не выйду!» Потом принялся жаловаться: «Дурно мне, дурно! Всё равно не уйду! Не выгонишь!» Наконец взмолился: «Скажи, куда уйти? В лес дремучий? В яичную скорлупу? В игольное ушко?»

– Когда читаю Евангелие о гадаринском бесноватом, – говорила соседкам по парадной Лида, – всегда ту женщину вспоминаю. Батюшка продолжает молиться, а у неё пена изо рта. Рядом стояла женщина, как говорили, сестра её, бросилась вытирать рот. Тут-то взрослые заметили нас и нагнали: «Ну-ка, марш отсюда, любопытные Варвары! Не полезно вам такое смотреть! Хотите, чтобы вышел бес из неё да в вас вселился?!» Нас как ветром сдуло. Конечно – не хотели мы.

Лида Яркова стала в парадной главным консультантом по духовным вопросам. Соседи спрашивали, каким святым ставить свечи в том или ином случае, как записки подавать. Открывала глаза на сектантов: рериховцев, иеговистов, пятидесятников, кришнаитов, которые не миновали Городок навязчивым миссионерством.

Открыли в Городке церковь, Лида сделалась активной

прихожанкой. В парадной начала вести миссионерскую работу, призывая крестить детей и внуков. Ленка-шалава одной из первых откликнулась, понесла крестить своих чад. Обрадованная такой победой, Лида тут же подкатила к Ленке с венчанием, дескать, как хорошо будет вам с Мишей церковным браком укрепить семью. Получился, говоря словами той же Ленки, облом. Венчаться Ленка не захотела:

– Тётя Лида, пожалуйста, не морщь мне мозги своей церковью.

Категорично Лиду отшила.

– Детки хотя бы крещёные, – вздыхала Лида, рассказывая о неудаче с венчанием, – и то хорошо.

Однако планировала, выждав паузу, снова подкатить к Ленке с церковным браком.

Что интересно, Калерия Ивановна своего кавалера, в прошлом полковника, тоже заставила принять таинство крещения. Как-то подозвала Лиду, мол, древнего старичка батюшка может окрестить или имеется возрастной ценз?

– Живу в одной квартире с нехристом! – жаловалась Калерия Ивановна. – Поставлю ему вопрос ребром: если не покрестится, пусть забирает свой двухтумбовый гроб вместе с холодильником и проваливает на все четыре стороны!

– Может, вас заодно и повенчать? – предложила Лида.

– Ты чё, Лида, рехнулась?! Нашла, понимаешь, «тили-тили тесто жених и невеста»!

– Живёте в грехе.

– Кашу что ли в грехе едим?

Полковник было закочевряжился: я в партии состоял. Да не на ту напал. Калерия Ивановна провела жёсткую агитационную работу, и полковник от «вопроса ребром» поднял руки вверх. Но с одним условием: креститься готов только дома, то бишь в квартире Калерии Ивановны, в храм не пойдёт ни за какие коврижки.

Когда Валя Дубок из «четырнадцатой» узнала о предстоящем крещении полковника, решила, пусть заодно священник и её с Веней окрестит. В далёком детстве испорченные полиомиелитом Венины ноги к тому времени совсем отказали, до церкви он бы не дошёл. Священник в просьбе не отказал, всех желающих окрестил. А через полгода Веню отпел.

Васю Сокола заочно отпел. Однажды Галя Сокол пожаловалась Лиде: муж часто снится. И раньше являлся в сновидениях, но изредка, раз в полгода, тут едва не каждую ночь стал.

– Наверное, к себе зовёт, – вытирала платочком уголки глаз Галя.

– Отпеть надо, – сказала Лида. – Мается Васина душа, помощи просит. Отпоёшь, потом будешь панихиды заказывать, записки на проскомидии подавать. Ему и легче станет.

Галя так и сделала. А Лиде наперёд наказала:

– Проследи, чтобы меня сразу отпели, не откладывали на потом.

Я девчонкам своим, конечно, накажу строго-настрого, но

ты всё одно проконтролируй.

Лида просьбу подруги выполнила.

Славик-трубач не реже Лиды бывает в церкви, даже чаще. Директор клуба, при котором много лет состоял духовой оркестр Славика, стал иереем – отцом Иоанном, настоятелем церкви Городка, а руководитель оркестра Данилыч, его мы однажды вскользь упоминали, – регентом в том же храме. Данилыч позвал Славика на клирос. У Славика скромный баритональный бас, да как известно в храмах с небольшими приходами извечный дефицит мужских голосов, а Славик с его музыкальным образованием на лету всё схватывал и вскорости начал петь, будто с детства в клирошанах состоял. На клиросе размещается басящей глыбой во втором ряду. Впереди бабульки в белых платочках, за ними Славик на две головы всех выше, с могучим разворотом плеч.

Когда-то Славик старательно играл у нашей парадной похоронный марш Шопена, теперь поёт преставившимся соседям «Вечную память». Помните, подвыпив, обещал, если что – их оркестр на похоронах для своих постарается. Теперь в подобных ситуациях Славик уверяет знакомых: батюшка Иоанн в случае чего отпоёт в лучшем виде.

Надо отметить, хор под управлением Данилыча проникновенно и вдохновенно исполняет «Вечную память», не каждый монастырский так сможет.

Однако Славик больше любит участвовать в венчании. Но, к его печали, таинство брака в церкви Городка соверша-

ется значительно реже, чем отпевание.

В оформлении обложки использован рисунок художника Владимира Чупилко